

Читайте:

4 Владимир БАХТИН:
«Коли по-русски скроен, и один в поле воин»	18 Ольга АРИСТАРИНА:
Рассказы
8 Владимир САМАРИН:
Трамвайное кольцо	20 Валерий АНИШКИН:
Гипнотизёр
10 Максим МАЙСКИЙ:
Матч освобождения	24 Николай ПРОКУДИН:
Охотники за пиратами
12 Геннадий МАЙОРОВ:
Студентка	30 Ольга МИГУНОВА:
Вот чего бойтесь

Орловское региональное отделение Союза российских писателей,
Департамент образования Орловской области,
областное управление культуры и Среднерусский институт управления
(филиал РАНХиГС) проводят открытый литературный конкурс
«Вернись на родину, душа!»,
посвящённый 150-летию со дня рождения И.А. Бунина

Условия литературного конкурса
опубликованы на сайте:
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д.27, пом. 9

Главный редактор: Е.Н. ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

№05' январь 2020
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:
РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: ON-0307@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

16+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 15.01.2019 г. Выход в свет: с 15.01.2019 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №05-НО+
Цена свободная

«КОЛИ ПО-РУССКИ СКРОЕН, И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН»

В селе Россошном Краснозоренского района открыт памятный знак на месте гибели комсомольца Ивана Антоновича Пальчикова, 1925 года рождения. Выполняя приказ командира партизанского отряда, юный разведчик был схвачен немцами и казнён. Обелиск выше человеческого роста со звездой и мемориальной табличкой взметнулся ввысь, преобразив сельскую улицу. На митинге присутствовали местные жители, школьники, представители администрации, гости из Орла. Говорили о войне и подвиге, звучали военные и комсомольские песни, траурная музыка. Долгие годы энтузиасты тщетно пытались достучаться до власть предержащих, чтобы появился памятник. Бесполезно. И то что не смогли (или не захотели) сделать те, кому это положено по должности, воплотили в жизнь брат и сестра Федосовы: Юрий Викторович и Лидия Викторовна. Низкий им поклон. И за этим памятником – их жизнь, опалённая войной. Короткое довоенное прошлое. И память, не дающая покоя ни днём, ни ночью.

Когда началась война, ему было четыре года. Ей – ни года, ни месяца, она родилась 11 июня сорок первого.

Их отец Виктор Иванович Федосов работал секретарём Россошенского сельсовета. А отец Вани Пальчикова, Антон Устинович, – председателем. И жили они рядом – «через лужок», напротив. Дружили семьями, ходили в гости друг к другу. В семье Пальчиковых было восемь детей: четыре мальчика, четыре девочки. Ваня был старшим.

Дети бегали и росли вместе. Их воспитывали отцы, они – своих младших сестёр и братьев. Дети того времени работали с раннего возраста и были более взрослыми и самостоятельными, чем сейчас. И это помогло, когда начавшаяся война сломала их детство.

И Юрий Федосов был из таких детей войны. В школе, как и все, сидел голодным в холодном классе, где замерзали чернила. Помогал по хозяйству, работал в колхозе. Восстанавливал и строил дома. Окончив училище механизации, по зову комсомольского сердца в 1958-м поехал в Казахстан на освоение целины в качестве тракториста.

Спустя годы Юрий Викторович работал в Краснозоренской средней школе учителем технического труда. Готовил плотников, водителей и механизаторов с 1962 по 1988 год. И уже будучи на пенсии, вёл большую общественную работу.

И все эти годы пепел войны ворошил его сердце. Горе и страдания односельчан, их нелёгкие судьбы, ужас боевых действий вокруг села и в районе – всё это он хранил в памяти, рассказывал на страницах газеты. Трагедию семьи Пальчиковых Юрий Викторович принял как свою собственную. Всю жизнь он болел душой за открытие памятника комсомольцу-герою. Ещё в советское время обращался в райком комсомола, райком партии, писал в областные инстанции. «Ходатайствовал об открытии», как тогда говорили. И получал в ответ молчание, обещания и отказы от череды меняющихся руководителей.

По его инициативе и на деньги Совета ветеранов было установлено надгробие на могиле Ивана Пальчикова. Он восстанавливал жизнь Вани, обстоятельства его гибели, беседовал с очевидцами, записывал воспоминания. Старался донести до потомков его подвиг, мужество, стойкость. Пытался осознать смысл жизни, оборванной в шестнадцать лет...

И будучи тяжело больным, горько сожалел, что не увидит памятник на месте гибели юного героя.

Тогда за дело взялась его сестра. В свои далеко не молодые года она стала собирать добровольные пожертвования у жителей родного села, помня их как комсомольцев по прежнему времени и делам. Собирала по 100 рублей. И ей навстречу пошли не только односельчане. Памятную доску сделали за половину стоимости в Воронеже, обелиск со звездой изготовил бесплатно ВСО «Стройинвест» из села Бегичево. Не потраченные пять тысяч она отдала в сельсовет на благоустройство прилегающей территории.

Своим поступком, неравнодушием Лидия Викторовна умножила и оживила память о Ване Пальчикове, приобщила людей к подвигу. И крупницы народных денег слились в монолитный кристалл народной памяти о юном герое, устремлённый в будущее.

...Юрий Викторович умер через четыре дня после открытия памятника. Но он успел увидеть своё детище – сосед отснял на видео церемонию открытия мемориала.

Юрий Викторович Федосов

«Эта боль осталась нам навсегда...»

Из статьи Юрия Викторовича Федосова «В памяти война»

«Из села Россошное в 41-м ушли на фронт 182 человека. Последнюю повестку на фронт выписал сам себе мой отец Виктор Иванович Федосов. Он работал в сельском совете секретарём и вёл военно-учётный стол. Он мог бы остаться «по брони», но ушёл добровольцем. Наша семья состояла из шести человек: бабушка Анна, отец Виктор, мама Дуся, брат Слава, сестра Лида и я, Юрий.

В моей памяти навсегда осталась картина: проводы на войну отца, приход немцев в село, большие немецкие лошади. Фигуры и лица немцев, которые сидели за столом, пили, ели, пели песни. Запомнилось слово «ром».

...Запомнился бой 13–14 декабря 1941 года. Наш дом находился в центре села и во время боя весь был изрешечён пулями. Крыша пробита, стёкла в окнах выбиты, уличная дверь тоже вся в дырках от пуль. Бабушка, мать, брат, сестра и я спрятались за печкой, она нас и спасла. Когда бой затих, мы перебежали в соседний дом. Когда бежали (а я был в каске), нас обстреляли. Помню хлопки выстрелов, свист пуль и фонтанчики на снегу рядом с нами.

Помню, когда освободили село от немцев, женщина в военной форме взяла меня на руки, целовала и высоко поднимала, а мать напоила её водой.

В марте 1942 года почтальонка принесла письмо, в котором командир роты писал о гибели моего отца. Он погиб 14 января 1942 года в боях за село Величково Калининской области. Мы тяжело перенесли эту утрату.

...Мы, мальчишки и девчонки, рано начали трудиться.

Начало 1970-х. Семьи Федосовых и Пилипенко. Первый слева – Юрий Викторович, третья – Лидия Викторовна

Косили траву для коз, коров, копали вручную лопатами огороды, сажали картошку. Пололи, убрали урожай, собирали на полях колоски и сдавали их в колхоз. Помогали старшим возить на поля навоз, бороновать на лошадях.

Печи топили соломой, навозом, дров и угля не было. Ели гнилую картошку, щавель, лук полевой, баранчики и прочую зелень. Хлеба, соли почти не было.

Страшная была война. У меня ушли воевать близкие родственники – двенадцать человек. Пятеро из них погибли, шестеро, тяжело раненные, вернулись домой в разное время. От горя, холода, голода и болезней умерли во время войны две мои бабушки.

Было очень трудно нам, детям. Мы познали все трудности и военных, и послевоенных лет, война коснулась каждого из нас, и эта боль осталась нам навсегда...».

(Газета «Красная Заря» от 02.04.2010.)

Из беседы с Лидией Викторовной Пилипенко (Федосовой)

«Он так хотел, чтобы стоял памятник на месте гибели Вани. И уже болел, так переживал, что не увидит... И я решила – соберу деньги!

Пошла по людям, по всем бывшим комсомольцам нашего села и Красной Зари. Во все дома заходила, спрашивала, согласны ли, в тетрадку записывала. Одна я ходила. Все меня знают, я в больнице 37 лет отработала, здешняя. И народ меня поддержал. Все деньги давали, все были «за», все хотели чтобы такой памятник стоял. И ещё старики говорили – надо ставить... А потом к нему яблоки понесли, цветы, и мне до сих пор звонят...

Давали беспрекословно, уходила даже со слезами, так благодарили. Сейчас страна другая, всё другое, и молодёжь... А у нас война на памяти, весь этот ужас., и гибель родных..., и всё село пострадало, думали, не выживем...

Надо, чтобы молодёжь знала, помнила страшные годы, чтобы не повторилась война., и как Ваня погиб за нас... Чтобы и дальше люди помнили. И пока мы на этой земле, надо что-то делать для этого».

*Лидия Антоновна Пальчикова
упмятннка брату*

В тот ноябрьский день 1941 года он шёл по родному селу. Избитый, с разбитым лицом, без шапки, с табличкой «Партизанен» на груди. Вожжа тянулась от рук, связанных сзади, к уздечке его лошади, идущей следом. Дальше шла группа немцев с офицером.

«В три часа дня это было», – рассказывала мне одна из его сестёр, Зинаида Антоновна. – В ноябре мороз был. Его поймали, связали, били. А в телогрейке нашли комсомольский билет зашитый. Заводили в каждый дом, спрашивали, кто такой...».

И стоя под чёрными дулами немецких автоматов, глядя на него, сына председателя сельсовета, «избача» – заведующего избой-читальней, люди недоумённо качали головами... А потом, после хлопка двери, бросались вослед, приникали глазами к окнам, и, холодея внутри, в последний раз провожали взглядами того, кто шёл на смерть...

Его водили по селу от дома к дому и били. При этом лошадь вставляла на дыбы, протестуя против насилия над человеком. Её удерживали два немца. И когда вешали первый раз, сломалась ветка дерева. Кажется, вся природа, весь мир не хотел его смерти и желал хоть как-то помочь...

И потом, когда года и десятилетия пронесутся над его селом, как белые облака и тёмные тучи, к началу митинга пойдёт дождь, который прекратится к началу панихиды...

Но это будет потом. А в тот чёрный день он шёл по родному селу. Избитый, в крови, в разорванной телогрейке, но с гордо поднятой головой.

Таким его и запомнили односельчане.

**Список
людей, оказавших помощь для
установки памятного знака
Пальчикову Ивану Антоновичу,
казнённому немцами в с. Россошное
21 ноября 1941 года**

Федосов Юрий Викторович
Федосов Владислав Викторович
Пилипенко Лидия Викторовна
Сёмина Мария Васильевна
Данилова Людмила Ивановна
Данилов Юрий Александрович
Машкова Галина Ивановна
Данилова Валентина Алексеевна
Кораблева Лидия Алексеевна
Кораблев Николай Васильевич
Катюшин Анатолий Константинович
Хрипкова Валентина Алексеевна
Внуков Юрий Александрович
Митина Галина Васильевна
Макаров Анатолий Васильевич
Макарова Зинаида Васильевна
Невзорова Валентина Ивановна
Хакимова Тамара Николаевна
Болотин Иван Иванович
Петрова Лариса Николаевна
Соболева Вера Сергеевна
Щиголева Валентина Петровна
Волкова Валентина Ивановна
Грачева Татьяна Ивановна
Пальчикова Пелагея Захаровна
Алдошин Александр Георгиевич
Гриднева Нина Ивановна
Кулаго Тамара Ивановна

Мусарыгина Раиса Алексеевна
Пальчикова Татьяна Михайловна
Овсянников Иван Сергеевич
Овсянников Владимир Иванович
Новикова Валентина Николаевна
Хакимова Тамара Николаевна
Алдошина Людмила Сергеевна
Афанасьев Владимир Викторович
Гришина Галина Юрьевна
Болотина Валентина Ивановна
Рязанцева Антонина Михайловна
Мальцева Александра
Хрипкова Лидия Григорьевна
Сафонов Александр Анатольевич
Мельник Нина Гавриловна
Трубицына Антонина Алексеевна
Иванов Анатолий Ефанович
Караблинова Вера Анатольевна
Потапова Анна Фёдоровна
Потапова Надежда Михайловна
Овсянникова Раиса Петровна
Артёмова Светлана Ивановна
Артёмов Александр Викторович
Лосева Мария Петровна
Трубицына Инна Анатольевна
Трубицын Алексей Иванович
Федосов Виктор Владиславович
Сметанина Валентина Владимировна
Трубицын Александр Иванович
Трубицына Наталья Анатольевна
Маматкулова Марина
Павлов Николай Данилович
Бахотская Тамара Григорьевна
Болотина Валентина Ивановна
Трубицына Наталья Ивановна
Малахова Лариса Алексеевна

Ченцова Татьяна Ивановна
Тарасов Александр Григорьевич
Голубева Нина Ивановна
Аникеева Раиса Константиновна
Полякова Марина Викторовна
Жирова Надежда Ивановна
Барабанова Валентина Викторовна
Рязанцев Николай Алексеевич
Патапов Анатолий Иванович
Илюхин Сергей Иванович
Фролова Лидия Алексеевна
Рощупкина Елена Юрьевна
Калугина Ирина Юрьевна
Пойда Александр Григорьевич
Кликина Маргарита Викторовна
Трубицын Виктор Иванович
Изотова Валентина Сергеевна
Назарова Екатерина Александровна
Иванина Мария Васильевна
Атомова Мария Алексеевна
Бысова Тамара Алексеевна
Казakov Игорь Викторович
Кружков Владимир Александрович
Пирогова Вера Ивановна
Лехан Александр Владимирович
Пронина Валентина Ивановна
Моисеева Елена Геннадьевна
Клишина Лилия Ринатовна
Горлова Ольга Николаевна
Остроух Тамара Алексеевна
Полякова Марина Ивановна
Живова Валентина Ивановна
Гордеева Тамара Константиновна
Ермолова Галина Ивановна
Муртузов Камиль Шабанович
Овсянникова Валентина Петровна

Когда его вешали второй раз, произошло самое главное в жизни Ивана Пальчикова. И на скрытый смысл того, что было в середине казни, пожалуй, позже никто не обратил внимания.

...Он второй раз упал на землю. Теперь оборвалась верёвка. И сразу же щеголеватый немецкий офицер подбежал и ударил его ногой. Лежащего, со скрученными за спиной руками. И выстрелил в правое плечо из пистолета.

Вопрос: а зачем он это сделал? Ведь через минуту-другую они убили бы Ваню в любом случае.

А всё дело в том, что у господина немецкого офицера просто не выдержали нервы. Перед ним был мальчишка, подросток. Он должен был хныкать, кричать от страха и боли, размазывать слёзы. А он молчал. Молчал, стиснув зубы. И в этом его молчании было всё: и «Всех не перевешаете!» Зои Космодемьянской, и «Я их больше не боюсь!» Сергея Тюленина. Всё презрение к смерти и бесстрашие сотен тысяч советских людей, вставших на защиту Родины и замученных в неволе.

Это был поединок. И шестнадцатилетний парень, вчерашний школьник, вёл себя как взрослый мужчина, как воин.

«Коли по-русски скроен, и один в поле воин». Это про таких, как Иван Пальчиков, алой кровью горит в веках древняя пословица.

С одной стороны – германская чванливая спесь «непобедимой армии», «высшая раса и голубая кровь». И с другой – вера в победу и презрение к смерти, уверенность в своих силах и превосходстве над врагом.

За ним была Россия и русская земля. И тот психологический поединок 1941 года в орловском селе Россошном он выиграл – простой русский парень Ваня Пальчиков. Выиграл, выстоял, победил даже будучи во власти врага. Своим поведением перед смертью и бесстрашием он показал потомкам надменных тевтонских рыцарей, кто хозяин на временно захваченной ими земле. И тем самым морально сломал им хребет ещё до своей смерти.

Возможно, именно поэтому в третий раз они его повесили таким зверским способом – крюком для дёргания сена за нижнюю челюсть.

Комсомол, или ВЛКСМ – это была общественная организация, которая, прежде всего, занималась воспитанием подрастающего поколения. В молодых людях воспитывали честность, порядочность, верность долгу и уважение к старшим.

В наши 70-е годы учителя, родители да и любые взрослые говорили нашалившему старшекласснику: «Как ты мог? Ведь ты же комсомолец!». И он понуро опускал голову, чувствуя себя виноватым.

На улицах и во дворах, во время игр детворы, когда кто-то из старших ребят обещал что-то сделать и не подвести друзей, младшие по возрасту говорили: «Скажи честное комсомольское!». Он говорил, и от него отходили уверенные, что он не подведёт. Он же дал слово – честное, да и ещё комсомольское... И тот старался своё слово держать. То есть в то время в среде подростков работали критерии честности, порядочности – в годы их становления как личности. Существовала определённая морально-ограничительная планка, которой сейчас, увы, нет.

Человек, воспитанный на идеалах добра, моральной чистоты и справедливости, чувствует себя частичкой своего народа. Он не думает о себе, как испокон веков принято на Руси. И тут просматривается явная связь воспитательной роли комсомола с подвигами молодых людей.

Подвиг – венец жизни, кульминация воспитания человека. Человек – существо социальное, не может жить без общества. Но в какой-то момент и общество не может жить без его подвига, и он сознательно погибает один ради жизни многих.

В годы войны, когда надо было стоять насмерть, командир выстраивал своих солдат и говорил перед строем: «Коммунисты и комсомольцы – шаг вперёд!». И они шли, делали невозможное, умирали, но выполняли приказ.

Выполнить приказ любой ценой. Зная русский характер, этого и боятся вечные враги России.

С началом «перестройки» была запущена программа по исключению из массового сознания понятия героизма, подвига, самопожертвования. Что подвиг – минутное затмение сознания и не более. Ненормальное явление. И что осознанно идти на смерть человек не может. Но в годы Великой Отечественной войны более 400 человек совершили беспримерные поступки, которые происходят от подвига Александра Матросова. Были и такие герои, которые по два человека одновременно бросались на стволы вражеских пулемётов. И все они в основном были молодыми, от 20 до 30 лет. (Орловский военный вестник № 8, 2019 г., стр. 84.)

«Прекрасное далёко» 1970-х годов обернулось жестокой явью. «Сыновья уходят в бой», как пел известный бард. Чечня, Дагестан, Сирия... И там надо думать не о себе, а о Родине. Так устроен мир, что в нём есть свет и тьма, добро и зло. Кто-то хорошо сказал: «Если бы у нас не было ни земли, ни хлеба, а одни пески бесплодные, то никто бы к нам ни с мечом, ни с шмассером не приходил бы».

Надо воспитывать молодёжь не словами а ощутимыми подвигами героев, шагнувших в бессмертие. И нужен конкретный, ясный, местный пример, образец жизни и подвига.

Так посмотрите, он здесь, рядом – на улице Луговой...

Пальчиков Иван Антонович. С высоты своего памятника он смотрит на своё изменившееся село. На односельчан, ещё помнивших страшное время последнего дня его молодости, на «младых и незнакомых», на детей, бегающих и играющих по дворам...

И на весь этот вечный мир, и меняющийся, и неизменный.

Владимир БАХТИН

Владимир САМАРИН

ТРАМВАЙНОЕ КОЛЬЦО

(Окончание. Начало в № 03)

Пантелеймон Исидорович весь день провёл в дежурке спасательной станции. Товарищи шутили:

– Ты, Паша, от избирателей спастись пришёл? Работы на реке заметно поубавилось: кто полезет в Оку, когда вода от холода морщится и леденеет. Был, правда, случай с известным поэтом, отправившемся для вдохновения не вдоль, а поперёк реки. Когда его выудили, слегка отогрели водкой и чаем, он удивил спасателей:

– Послушайте, д-дорогие мои... Только сейчас написал:

Почтальонка плывёт. Почтальонка!

Почтальон тётя Феня плывёт...

Сегодня в дежурке говорили только о выборах. В первую очередь поднимали стаканы с чаем и провозглашали тосты за победу Горячева – в этом никто не сомневался. Только водитель лодки-моторки Смуглов, взвесив реальность времени, пожелал:

– Дай Бог, чтобы тебя после выборов оставили в покое.

Тревожно замигал сигнал с панели связи. Звонили с дальнего спасательного поста.

– Третий номер? Я слушаю! – представился замначальника службы Володя Ветров. После недолгой паузы он оглянулся на Горячева, подмигнул улыбкой губ.

– Спасибо. Спасибо, друже, за весточку. С нас причитается!

Ветров отключил связь, повернулся от пульта лицом к Горячеву, тихо, но внушительно сообщил:

– Паша, ты знаешь, за тебя на «Химмаше» к шестнадцати часам почти девяносто процентов проголосовали...

– Так ещё не время подсчитывать, – справедливо засомневался Смуглов.

– Подсчитывают! – убедительно и гордо заявил Ветров. – Наблюдатели разные на выходе из участка стоят. Экзитпол называется.

Пойдёшь после смены в клуб «Коленвал» – и у тебя спросят...

Вошла Любочка Зараева, фельдшерка, весёлая, румянец – во всю щёку. Поздоровалась и прямым путём к Горячеву:

– Пантелеймон Исидорович! По телеку сейчас передали, что в предварительном опросе вы опережаете всех других по числу голосов. Правильно, что вас люди ценят. Вы такой...

– Спасибо, Любочка... но меня всё равно не выберут: народ голосует, а считает комиссия. Помнишь, к нам тоже приходили количество спасённых утопающих подсчитать? Обнаружилось, что на три человека меньше, чем в году предыдущем. Поругали. А сниженное почти в два раза число тонущих благодаря обучению ребятишек в школе пловцов их не поинтересовало:

записали всех в число спасённых. Получилось надувательство.

Горячев прилёг на диван в три часа ночи. На сердце стало легко от понимания, что всё трудное закончилось: завтра настанет обыкновенный хороший день после кандидатского отпуска.

Дуняшка заняла своим рукоделием большой овальный стол. Он затруднял передвижение по десяти квадратным метрам. Его бы выставить во двор – подарить шахматистам и доминошникам. А нельзя: он всегда оказывается нужным.

Карандаш, портняжные ножницы, лекало скользили-шуршали по жёлтым от времени газетам. Дуняшка обтягивала мерной лентой свою талию, бёдра, прикладывала к себе вырезанные из бумаги складки – обводы грудей, плеч, детали других анатомических извивов-сгибов. И пела...

Песни возникали из какой-то давней дали. Где первый раз услышала, от кого – не помнит.

Мотивы и слова всегда были просты и доступны сердцу.

Я на реченьке была,

Камешки колола.

Ко мне Ваня подошёл:

– Дуничка, здорово!

Сегодня приходили на ум печальные песенки-страдания:

Мине милый изменил

И другую полюбил.

Пойду сброшусь с каланчи.

Где от счастья ключи?

Варвара Николаевна несколько раз перечитывала пушкинскую «Барышню-крестьянку». Когда добиралась до счастливой концовки любовной истории, всегда говорила:

– Здорово он всё придумал, а в жизни так не бывает...

Горячев тоже представлялся ей таким паном Пантелеймоном, а теперь – в должности градоначальника он будет совсем недостижим.

Трамвай звякнул, прощаясь с депо, направился к месту посадки пассажиров. Щиток-снегоочиститель сметал с рельсов выпавший ночью снежок, а спереди казалось, что вагон движется по белому целику, оставляя два ровных длинных следа.

На кольце ожидающих не было – кому захочется вставать рано в воскресный день. А у Дуняшки начиналась первая смена в новом одеянии. Вожатая Лика Зернова привычно объявила пустому вагону:

– Следующая остановка – проезд Гоголя! Не забывайте приобретать билеты, и доплюбуйтесь на красавицу-кондуктора!

Дуняшка мило погрозила в зеркало водителя пальчиком, но тут же погрустнела: с бесфонарного проезда Гоголя тоже никто

не вошёл в вагон.

Для разгулки скуки прошлась по вагону, любуясь собственным отражением в тёмных зеркалах окон. Про себя подумала: «Жаль, что Палеха не изготовил ещё подвески. Получилась бы девушка с серебряной лилией».

У хитрого рынка близ Комсомольской площади полиция устроила облаву наркоторговцев. Пути проезда транспорта перекрыли. В трамвай заглянул офицер, приказал Лике:

-- Не выходить, никого не впускать в вагон!

Лику пригласила Дуняшка к себе; они тесно устроились в водительском кресле. Вожатая счастливо вздохнула:

– Тепло и ласково с тобой... Можно я выключу свет?

Дуняшка, смущённая, прошептала:

– Мне тоже хорошо, Лику. Но не надо дальше: я – не мальчик...

Варвара Николаевна осторожным шагом, считай, на цыпочках, вошла в холл горуправы; вдохнула для смелости аромат белых роз из букета, прижатого к груди. Только после этого отважилась приблизиться к охраннику электронного шлагбаума-пропускника.

– Вы к кому записаны? – дядечка спросил вежливо, но с проносом важности.

– Мне надо поздравить...

– Зайдите сначала в бюро пропусков.

– У меня паспорта с собой нет...

– Давайте мы передадим цветы с вашей запиской. Бумага и ручка есть?

Ничего у Варвары Николаевны не было. Она развернулась к выходу.

Войдя в вагон трамвая, Мефодий встретил Палеху – он продвигался к месту кондуктора.

– Рад вас видеть, батюшка!

– Спаси тебя Бог!

– Как вы на махинации смотрите? На выборы то есть?..

– Беда, что место народоуправца в продажу пошло; победитель, говорят, хорошо расщедрился: платил по восемьсот рублей за галочку в бюллетене.

– Это клевета на честнейшего человека! Горячев – ангел! – встряла-вскипела Варвара Николаевна.

– А мы не о Горячеве, девушка, – уточнил отец Мефодий, – Мы об избранном мэре. Два года он вместо тюрьмы в неприкосновенных депутатах сидел, а теперь ещё пять лет будет неприкосновенным.

– А разве не Горячева избрали?..

Никто не услышал её слов, поскольку от радости у Варвары Николаевны пропал голос.

Вагон резко затормозил: пассажиров, как поставленное вертикально домино, наклонило-повалило вперёд.

Высокий статный отец Мефодий принял на себя тяжёлую волну людей, но устоял. На грудь Палехи приклонило Варвару Николаевну. Художник замер от наплывшего вдохновения и никак не желал, чтобы волна отхлынула назад. Когда все без ранений и ушибов возвратились в исходное положение, Палеха ещё несколько мгновений придерживал у груди драгоценный дар судьбы.

Варвара Николаевна, зарумянившаяся, посмотрела на Палеху так, словно разгадывала загадку.

– Богородица... – прошептал он её волшебным глазам.

Колёса трамвая ускорили перестук, и Варваре Николаевне показалось, что это учащённо-радостно забило мужское сердце.

Вигунов удивился, обнаружив в коридоре перед своей приёмной Варвару Николаевну. Поздоровавшись, спросил:

– Вы, значит, по ранней дорожке решили меня озадачить?

– Нет, Александр Иванович, я с инициативой.

– Ну заходи. Излагай...

– Сейчас я человека приведу. Он в нижнем коридоре ожидает.

Палеха было заупрямился, но Варвара Николаевна провела его к начальству, как бычка на верёвочке. Александр Иванович встал навстречу, поручался с незнакомцем, про себя отметил: «Наверно инженер...».

Суть предложения представляла Варвара Николаевна, Палеха только утвердительно кивал головой. Он абсолютно не верил в удачу их визита Действительно, где ещё это видано, чтобы на корпусе трамвая малевали картины исторических мест города, изображали портреты и краткую информацию о великих земляках, адреса музеев и других мемориальных мест?

Однако Вигунов одобритительно покашливал и притаил улыбку в уголках губ. Ему инициатива нравилась, но было одно «но», превращающее блестящую идею в фантазию: «Что получит от исполнения этой красивой, но затратной затеи трампарк?».

Он озадачил собеседников вслух. И тут подключился Палеха.

– На противоположной стороне обшивки трамвая будет размещаться реклама товаров и услуг. Настоящая передвижная выставка.

– А может, для увеличения доходности рисовать рекламу с обеих сторон?

– Это оттолкнёт внимание людей – их явно перекормили рекламной кашей, – возразил Вигунову Палеха, – а виды замечательных памятников архитектуры станут многолетними визитками города...

– Какой же суммой мы будем вам обязаны за эти художества? – Оплатить стоимость материалов – отмывок, красок, кистей.

А мою работу оцените исходя из роста дохода.

– А что вы в первую очередь думаете начертать?

– Уничтоженное достояние города: дома и усадьбы, где проживали писательница Марко Вовчок, жена Есенина Зинаида Райх; особняк, в котором родился Тургенев; не сохранившиеся памятники-храмы Сергия Радонежского, Георгия Победоносца, башню Похвалинского, здания Дворянского собрания и кадетского корпуса. И, конечно – депо первого трамвая...

– Придумали хорошо. Но давайте постепенно: даже Москва, как говорится, не сразу строилась, – Вигунов сделал паузу, наморщил лоб – видно размышлял. – Для начала я дам вам, товарищ художник, ставку вагоновожатого, а когда увидим – куда везёте – скорректируем и оплату вверх, а в ином случае – к нулю...

Варвара Николаевна прочла на лице Вигунова беззвучное заключение: приём окончен, и стала суетливо прощаться, но Александр Иванович неожиданно спросил:

– А что случилось – почему ваш Горячев проиграл? Ведь шёл с большим отрывом на всех участках...

– Опять смухлевали, – пояснил Палеха, – На прошлых выборах народного выдвиженца Сорокина на 30 голосов опередил секретарь горкома партии Мигаев. Дополнительно напечатанными заменили бюллетени в урнах.

– И они ещё платят деньги за голоса... – возмутился Мефодий.

– А вы как думали! – продолжил свою версию Палеха, – Не Богу же молятся...

Разговор был громким, к нему вскоре подключилось чуть не всё общество трамвая.

Странно: среди шума и гама Варвара Николаевна расслышала звуки доброй и ласковой музыки; они слагались в гимн души во имя надежды и веры: Пантелеймон Исидорович снова появится на пути её жизни, то есть в трамвае-«двоечке», а с ним в компании по-прежнему будут: флейтистка Зина, Палеха, Толик-водолаз, сварщик-бессребреник, учтивый о. Мефодий и «спускающийся по вторникам в окопы» начуправ Вигунов. Правда, замыкать многотысячные ряды пассажиров ещё долго будет судья Качанова – незванный вершитель судеб трамвайного кольца.

Матч освобождения

Этот материал я написал и опубликовал в газете «Советский спорт» 18 декабря 1987 года. Тогда все мы надеялись, что в Орле на стадионе «Динамо» появится мемориальная доска в память об этом неординарном событии. Увы, прошло 32 года, но никто из часто меняющихся градоначальников и руководителей УВД не довёл дело до конца. Может быть, хоть к 75-летию юбилею Великой Победы инициатива гражданского общества найдёт своё воплощение в жизнь...

Геннадий Майоров, сборкор газеты «Советский спорт» (1987–1996 гг.)

В 1987 году в Орёл приехали два ветерана войны.

Константин Антонович Куликович – заслуженный деятель физической культуры Белоруссии, доктор педагогических наук, вице-президент Международного комитета истории спорта при ЮНЕСКО. Геннадий Григорьевич Степанов – мастер спорта, заслуженный тренер России, судья всесоюзной категории, двукратный чемпион страны (1948, 1949 гг.) по боксу, чемпион мира среди студентов (1949 г.), тренер сборной команды СССР по боксу.

В Орле они встретились впервые после 1943 года, после памятного футбольного матча, проведённого в только что освобождённом городе, участниками которого были К. Куликович и Г. Степанов.

Из истории отечественного футбола времён войны нам хорошо известны киевский «матч смерти» и игра в блокадном Ленинграде. Орловский матч, ещё ожидающий своего исследователя и летописца, заслуживает того, чтобы встать в один ряд с вышеназванными встречами, чтобы о нём рассказать сегодня.

К. Куликович: Поколение моих родителей с большим уважением относилось к людям сильным, здоровым, способным к труду. Отец увлекал меня занятиями спортом с раннего детства. И когда по комсомольской путёвке меня направили учиться в техникум физкультуры, я воспринял это как само собой разумеющееся. Потом – институт физкультуры. И по партийной мобилизации был направлен в органы госбезопасности... Войну встретил 22 июня в 4 часа утра на границе. А затем оказался на Брянском фронте.

Г. Степанов: Мне также повезло, я вырос в спортивной семье. По примеру старшего брата Виктора и среднего Анатолия увлёкся боксом, до войны выиграл первый чемпионат Москвы среди юношей. На фронте тоже служил со спортивными ребятами.

Корр: Вы служили в действующей армии, на передовой. Как же умудрялись играть в футбол во фронтовых условиях?

К.К.: В начале войны я партизанил в Белоруссии. И однажды мы застряли в одном перелеске. Вдруг видим: к речке подъехала группа немецких солдат, бросили на лужайку мяч и стали разминаться. Дрогнуло у меня сердце, злость заки-

К. Куликович и Г. Степанов на стадионе «Динамо» в Орле в 1987 году

пела на такую вольную выходку гитлеровцев. И скомандовал пулемётчику: «Секани-ка их как следует!». Фрицы тут же бросились к машине, кое-кто успел спастись. А мяч остался. Я его подобрал и затем всю войну таскал в вещмешке.

Г.С.: Я, когда попал в подразделение майора Куликовича, был тяжело ранен в правое плечо. Так вот, мой командир заставлял постоянно разрабатывать руку, разминаться с гирей. Порой я и поругивал начальство, но потом понял, что для моей же пользы заставляли меня заниматься «через не могу».

К.К.: Футбольный матч мы провели где-то на подступах к Мценску, ещё до начала Орловско-Курской битвы. По роду службы контактировали с охраной тыла, с пограничниками. Первый раз они нас обыграли. Тогда уже наш начальник не на шутку рассердился: мол, что же это вы, спортсмены, подкачали? Потренировались мы как следует и взяли реванш со счётом 11:0... А потом началось наступление на Орёл и стало не до футбола.

Корр: Насколько мне известно, сразу же после освобождения Орла вы вновь загорелись идеей провести футбольный матч?

К.К.: Да, мы успешно выполнили задание по захвату секретных документов немецкой разведки, ликвидации шпионов и диверсантов, за что, кстати, я получил свой первый орден Красной Звезды, а Геннадий Григорьевич – медаль «За отвагу», и предоставленный отдых решили провести на стадионе.

Г.С.: Стадион «Динамо» в Орле представлял, конечно, жалкое зрелище, но поле более или менее сохранилось. Попросили сапёров подровнять поле, привести его в порядок.

Стали замечать, что за нашими тренировками наблюдают местные мальчишки. И как-то само собой вышло, предложили им сыграть с нами.

К.К.: Тем более знали, что до войны орловское «Динамо» неплохо выступало на республиканской арене. Пацаны побежали, кое-кого из команды собрали. Словом, сыграли. Мы, как сейчас помню, выиграли. И вот тут-то у меня родилась идея устроить на стадионе праздник.

Пришёл к генералу Н. Железнякову: так, мол, и так. Он одобрил, но говорит: «Сходи в обком, согласуй». А первым секретарём был в то время мой бывший начальник по Минску Александр Павлович Матвеев. Он очень обрадовался предложению и сказал: «Я убеждён, если вы сыграете в футбол, народ поймёт, что дела у нас обстоят благополучно». И, не теряя ни часа, мы начали подготовку.

Г.С.: Меня откомандировали в Москву с письмом в Спорткомитет, который тогда возглавлял товарищ Снегов. Он тут же связался с работниками ВВС, они только-только собирали команду. Буквально за несколько часов все формальности были соблюдены, и мы на двух автобусах отправились в Орёл.

31 августа 1943 года в газете «Красный спорт» появилась заметка за подписью старшего лейтенанта Г. Степанова, называлась она «Первый матч в освобождённом Орле». Вот строки из документа тех лет: «Ещё вдали слышится грохот орудий, а спортивная жизнь уже вступает в свои права. Первым большим соревнованием здесь был футбольный матч. 25 августа уцелевший городской стадион «Динамо» был переполнен орловцами. Играют три духовых оркестра. В 17 часов 30 минут свисток судьи вызывает на поле москвичей – команду части полковника Васильковича и орловскую команду гарнизона. В её рядах мастера спорта Бабич, Абрамов и другие. Почти половина команды награждена орденами... В том матче москвичи победили со счётом 5:2. Но состоявшемуся празднику радовались и победители, и побеждённые. И зрители, стяхнувшие с себя оцепенение долгих месяцев оккупации. Футбол, пришедший из мирной жизни, лучше любых слов утверждал в сознании каждого мысль о неизбежности нашей победы, о счастливом завтрашнем дне».

Корр.: Я так понимаю, что не только воспоминания о фронтовой юности привели вас сегодня в Орёл?

К.К.: Когда после войны я начал работать в спорткомитете Белоруссии, а потом был ректором института физкультуры, всё чаще стал вспоминать, анализировать памятное для всех нас время, стал более чётко представлять моральную, если хотите, политическую цену того «Матча освобождения». И корил себя за то, что не записал тогда имён, адресов ни орловских, ни московских футболистов.

Г.С.: С годами становишься мудрее и понимаешь, что из-за непростительных ошибок в истории теряется очень важное в воспитательном значении звено. И вот теперь мы хотим восстановить справедливость, назвать поимённо всех участников событий августа сорок третьего. Правда, в поиске очень много трудностей, потому что, как стало известно, история орловского футбола местными футболофилами практически не изучалась.

К.К.: И всё же мы не теряем надежду на следующий год, в день празднования 45-летия освобождения Орла, провести на стадионе матч ветеранов, пригласить оставшихся в живых фронтовиков-футболистов, а заодно и учредить наш приз для одного из местных юношеских турниров. Так сказать, для прочности традиций.

Мне снова вспомнился памятник расстрелянным гитлеровцами футболистам киевского «Динамо» на стадионе в столице Украины, алые гвоздики у его подножия.

Я смотрел, как два уже немолодых человека в пальто нараспашку с завидным упорством – но безуспешно – пытаются отыскать на обновлённом стадионе «Динамо» приметы далёкого времени, видел их живые, целеустремлённые глаза и, честно говоря, завидовал. Тому, как красиво и ёмко прошли они свой жизненный путь, тому, что и сейчас не успокаива-

ются, хлопчут о популяризации футбола на Орловщине, готовые пожертвовать на это хлопотное занятие и время, и опыт, и призы.

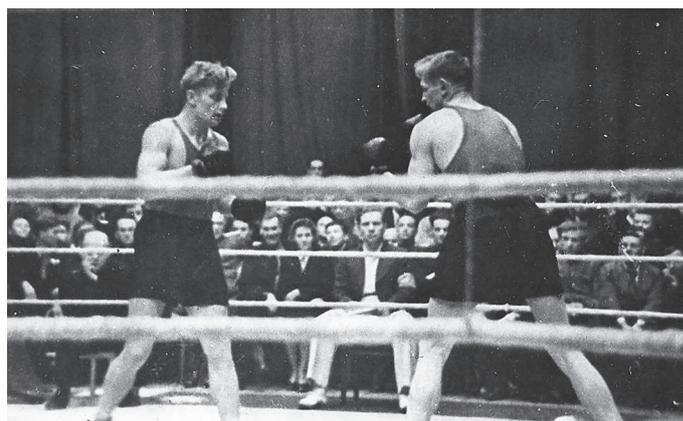
Подумалось: а чем ответим мы?

Корр.: Геннадий Григорьевич, вы являетесь одним из организаторов 1-го юношеского турнира по боксу на приз освободителей г. Орла от фашистских захватчиков. Почему вы выбрали именно Орёл, хотя являетесь тренером Российской Федерации?

Г.С.: Мы уже говорили, что с Орлом у нас связано очень много трогательных воспоминаний, и я считаю этот город родным для себя. А чтобы был у орловцев стимул к совершенствованию, я учредил постоянный приз для победителя нашего турнира в полутяжёлой весовой категории, в которой выступали все три брата Степановы.

Корр.: Раз уж мы отвлеклись от футбольной темы, расскажите кратко о своей спортивной карьере.

Г.С.: После войны учился в Московском авиационном институте, выступал на первенстве Москвы. А когда попал в сборную команду страны, решил перейти в институт физкультуры. Частенько боксировал с братьями. В 1948 году в Ленинграде в финале чемпионата СССР встретился с братом Анатолием. Мы с ним жили в одном гостиничном номере. И я, как младший, носил наш чемоданчик с боксёрской амуницией. А когда дошло дело до финала, я сказал Анатолию: «Туда чемоданчик несу я, а обратно – проигравший». Так впервые Анатолий выполнил функцию младшего брата.

Г. Степанов (справа) выиграл титул чемпиона СССР по боксу перед войной

Довелось мне сняться в роли американского профессионального боксёра в фильме «Мексиканец». А брат Анатолий снимался в фильме «Первая перчатка», да так, на мой взгляд, удачно, что после кинокартины мальчишки валили в секции записываться.

Корр.: С какими мыслями, чувствами вы покидаете Орёл?

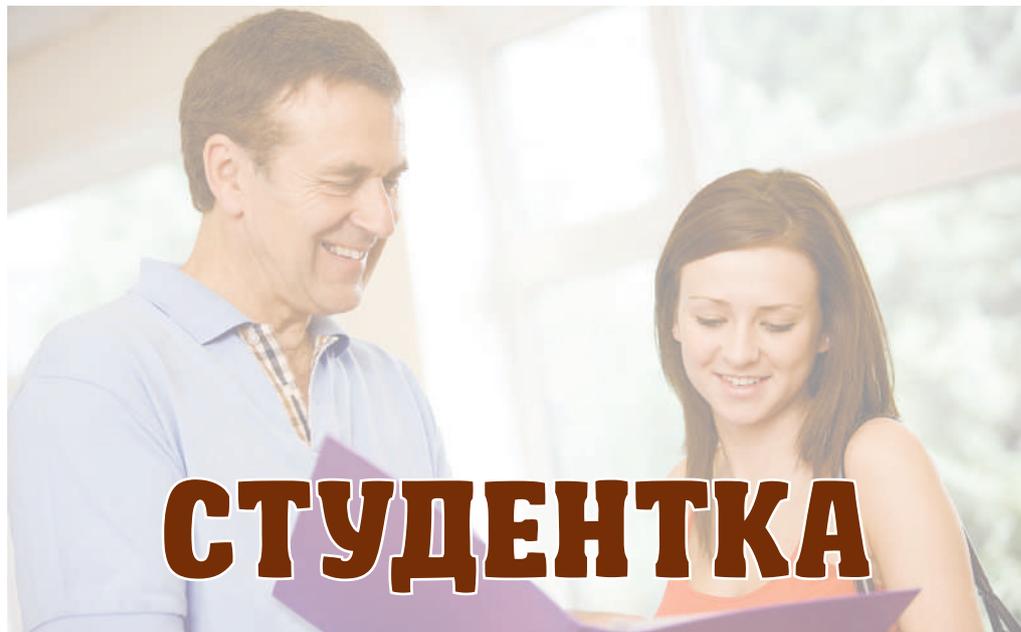
К.К.: Прежде всего с мыслью вернуться сюда на будущий год. Будем считать этот визит разведкой, после которой следует развитие событий. Заодно хочу пожелать успехов нашим футболистам на всесоюзной арене.

Г.С.: Я же хочу обратиться ко всем орловцам с просьбой. Сообщите нам или в редакцию, что вам известно об августовских матчах 1943 года, помогите нам разыскать футболистов той поры или хотя бы их родственников. Это нужно для истории. Для молодых спортсменов, которые должны знать своих героев, должны приумножить их заслуги перед советским спортом.

И хорошо бы разместить на стадионе «Динамо» памятную доску о том незабываемом событии...

Геннадий МАЙОРОВ

СТУДЕНТКА

Арина в детстве удостоилась загадочного прозвища – «Арина Родионовна». Девчушка долгое время не могла понять, почему сосед по коммунальной квартире, считающий себя интеллигентом в третьем поколении, но появляющийся на общей кухне в драном трико, небритый и с вечно салными волосами, называет её именно так. Родители мило улыбались и говорили что-то про гениального поэта Александра Пушкина. Только чуть повзрослев, Арина нашла в библиотеке книжку, где рассказывалось о замечательной няне русского литератора – Арине Родионовне, и о том, что именно её сказки и сказания вдохновили маленького Сашу на сочинительство.

Но при чём тут она, Арина? – удивлялась девочка, не писавшая ни стихов, ни рассказов, да и вообще равнодушная к сказкам и мультфильмам. Хотя, впрочем, она довольно скоро перестала обращать внимание на непонятное обращение к себе уже не только в квартире, но и во дворе. Удивительное дело, но когда родители решили покинуть захудалый городишко, где после армии Олег Вершинин познакомился с будущей женой, оставшись в нём на долгие два десятка лет, и вернуться на историческую родину отца – в довольно приличный посёлок городского типа, ставший к тому же районным центром, прозвище куда не делось. Его быстро подхватили местные ребятишки, а затем и взрослые, почтительно обращаясь к умной и благовоспитанной девушке, которая, не смотря на некоторую замкнутость, излучала свет и дружелюбие.

Арине нравилось жить в райцентре, недалеко от областной столицы, в просторном деревянном доме, где в одной половине проживала она вместе с отцом и матерью, а в другой – семья старшей сестры Тамары с двумя очаровательными малышами-мальчишками. Мужа у сестры не было, точнее она его выгнала за пьянство и никчёмность в бытоустройстве. Именно Тамара, работавшая поваром в райповском кафе, и надоумила младшую сестру, которая была моложе на десять лет, связать свою жизнь с общественным питанием, резонно утверждая: при любых раскладах с голоду не умрёшь.

Арину, как нечаянного последыша, все любили за её доброту и отзывчивость. Девчонка никому не отказывала даже в пустяшной просьбе и без лишних слов бралась за любую работу. Её помощь, особенно в последние годы, оказалась как нельзя кстати, потому как родители стремительно теряли здоровье. Отец, получив инвалидность на обувной фабрике, ушёл на пенсию с нищенским пособием, а мать, трудившаяся на хлебозаводе, и вовсе оказалась без работы, когда началась пресловутая горбачёвская «перестройка» и хлеб – который всему голова! – в райцентре оказался никому не нужен. Позже спохватились, но за несколько простых лет заводик буквально растащили по кирпичику, и чиновники-демократы посчитали, что восстанавливать его – себе дороже, а хлеб выгод-

ней возить из соседнего района. Правда, есть тот хлеб можно было только с большой голодухи. И многие хозяйки, вспоминая бабушкины рецепты, готовили закваску, месили тесто и – кто в духовке, а кто и в сохранившейся русской печке – по выходным выколдовывали ароматнейшие караваи.

Арина первой в семье научилась готовить ржаную закваску, из которой затем выпекала потрясающий хлеб. Тамара лишний раз подчёркивала: да у тебя талант к кулинарии, надо учиться, чтобы не как я всю жизнь у плиты стоять, а руководить общественным питанием. А что? – в нашем кафе ни у кого нет высшего образования, будешь первой претенденткой на должность заведующей...

Только на вступительных экзаменах в торговый институт, куда подала документы по настоятельному требованию матери и Тамары, Арина оторопела, даже не сразу поняв, что обращаются именно к ней.

– Арина Олеговна, вы готовы отвечать по билету?

Она продолжала писать тезисы ответа на листе бумаги, когда соседка слева толкнула девушку в бок:

– Тебя спрашивают...

Арина очнулась, впервые услышав своё настоящее отчество, и закивала головой:

– Да, я готова.

Потом они долго смеялись с соседкой, представившейся Маргаритой, когда Арина рассказала ей историю про «Арину Родионовну». Обе поступили на первый курс по специализации «технолог общественного питания» и вроде бы подружились. Хотя подспудно Арина понимала, что они совершенно разные. Маргарита выглядела чересчур уверенной, даже наглой, что ей прощалось из-за броской притягивающей внешности: длинные соломенные волосы, огромные ресницы, большие волнующие губы, томный взгляд... Она любила быть в центре внимания и в отличие от нескольких застенчивой и настороженной Арины постоянно провоцировала парней, заставляя их виться вокруг себя хороводом. Но близко не подпускала, за что получила прозвище Динамит. Похоже, ей нравилось раззадоривать ухажёров и потом резко исчезать. Попытки втянуть Арину в свою игру успехом не увенчались, однако в иной обстановке подруги продолжали общаться, тем более что Маргарите как воздух нужна была поддержка при подготовке рефератов и домашних заданий. Даже слепому было видно, что Динамит не слишком-то утруждает себя учёбой, считая, что и так сойдёт, а на практике существуют другие законы, где она и применит все свои чары и железный характер.

Пока Маргарита кружила головы не слишком-то опытным однокурсникам, Арина увлеклась философией, точнее преподавателем, который так ярко и образно просвещал будущих кулинаров. Сергей Иванович выглядел щупленьким, небольшого росточка

парнем лет двадцати пяти. Он признался, что готовится защищать кандидатскую диссертацию, и всё свободное время посвящает именно этой задаче: поэтому порой не успевает сменить сорочку или забывает об ужине. Но это не важно, быт когда-нибудь устроится, а вот запал растерять никак нельзя, иначе позднее уже не будет ни сил, ни желания заниматься наукой. А стать кандидатом в 27 лет (ему всё-таки 27, а не 25 – запомнила Арина) не каждому дано.

Студенты, считая философию непрофильным предметом, зачастую сбегали с лекций. И не мудрено, что Сергей Иванович заметил старательную студентку, слушавшую его с большим пиететом. Философствуя, он всё чаще смотрел именно на Арину и, распаясь, обращал жесты именно к ней. Казалось, останься она одна в аудитории, преподаватель не заметит отсутствия других слушателей.

Маргарита обратила на это внимание, когда ей потребовалось сдать зачёт. Нисколько не смущаясь, Динамит требовательно попросила подругу:

– Подсунь-ка мою зачётку своему ухаждёру, зазря он что ли глазки на тебя пялит... – Арина зарделась от такого бесстыдства, хотела было ответить резко, но Маргарита властно, но мягко добавила: – Да ты не тушуйся, Родионовна, здесь нет ничего криминального. Ему поставить автограф – раз плюнуть, ну а мне-то зачем время тратить на то, что в жизни не пригодится. Ну что, договорились? А у меня для тебя есть за это сюрприз...

Арина даже обидеться не успела. Маргарита тайфуном закружила, заболтала и, сунув свою зачётку в руку растерявшейся подруге, умчалась из института, пообещав вечером позвонить.

Сергей Иванович не удивился, окинув взглядом пустую аудиторию, поскокучился:

– Конечно, кто досидит до последней пары... Знаю, как это тяжело – особенно перед экзаменами.

Он вплотную подошёл к студентке и широко доброжелательно улынулся.

– Ладно, Арина, не буду и вас задерживать. Давайте вашу зачётку, вы её, смотрю, приготовили. И правильно! Заслужили...

Арина не успела глазом моргнуть, как преподаватель быстро развернул синюю книжицу, нашёл нужную страницу и быстро расписался, подмигнув:

– Всё по-честному, получайте.

Заметив недоумение на лице Арины, Сергей Иванович спросил:

– Что-то не так?

– Дело в том... я должна... – слова вязли в горле, не хватало духа прояснить ситуацию. Наконец, откашлявшись, Арина опустила глаза и протянула преподавателю вторую зачётку. – Вот моя, а то была подруги – Маргариты...

Аудиторию пронзил звонкий и чистый смех. Нисколько не смущаясь своего положения, молодой учёный просто покатывался со смеху. Улучив паузу и сделав глубокий вдох, Сергей Иванович произнёс:

– Вот так компот! Ну вы уж меня извините за невнимательность. Давайте и вашу зачётку.

Он раскрыл книжицу на первой странице, где была фотография Арины, и начал долго и внимательно её рассматривать. Потом перевёл взгляд на студентку, лицо его излучало одухотворённость и нежность. Это уже был взгляд не преподавателя, а неравнодушного юноши, из глаз которого Купидон целил своими стрелами в сердце девушки напротив.

Они сидели неподвижно несколько минут, в тишине аудитории было слышно жужжание отогревшейся в тепле мухи, да изредка ветки деревьев под порывами ветра царапали оконные стёкла.

Пасмурная осень затягивала небосвод тяжёлыми жирными тучами, занавешивая окна снаружи иссиня-чёрными вечерними шторами. Не было сил и желания подняться, включить свет. Силуэты начали растворяться в стремительно наступавшей темноте. И только резкий и пронзительный звонок, зовущий на перемену, мгновенно разрушил хрупкую идиллию, встряхнул иллюзорные желания. Арина подскочила первой:

– Мне пора!

Она выбежала, как ошпаренная, всё тело до кончиков волос пылало от неизведанного ранее и сладостно-тревожного чувства, просочившегося в её сердце только что в полутёмной аудитории. Что это было? Ей почему-то стало стыдно, будто за ними наблюдали из темноты десятки скабрёзных взглядов и завтра по институту поползут грязные слухи. Но затем, немного остыв, Арина стала успокаивать себя: ничего ведь не было непристойного, Сергей Иванович даже намёка не дал... И всё же, почему подпрыгивает сердце, черствеет в пересохшем горле? Неужели влюбилась? А ещё эта бесстыжая подруга Маргарита... Как-то она завтра отреагирует на свою зачётку? Свою-то я так и не забрала у преподавателя.

От хаоса мыслей Арину освободил жизнерадостный телефонный звонок. Маргарита в восторженных тонах сообщала, что познакомилась с ребятами из заезжего цирка, и они приглашают её с подругой на представление. Начав было отнекиваться, Арина вскоре устала сопротивляться напору Динамита. И согласилась на культпоход, резонно заметив, что надо развеяться, дать передышку бесполезным переживаниям и самоедству.

Вечер прошёл необычно. Двое молодых циркачей – акробат и укротитель – поставили небольшой столик прямо на арене. Открыли бутылку шампанского, но сами только пригубили, сославшись на завтрашнее трудное представление и необходимость сохранить себя в тонусе. Арина последовала их примеру без объяснений. А вот Маргарита, не смущаясь, махом осушила свой бокал и громко захрустела шоколадом. Циркачи оригинально развлекали своих спутниц: один начал жонглировать мячиками, другой изображал смешную пантомиму...

Словом, отдохнули непринуждённо, но бездушевно, наслушавшись разных историй из жизни кочевых артистов, которые под конец начали раздражать своей монотонностью. Ближе к полуночи Арина подхватила, придумав на ходу: надо ещё успеть подготовиться к завтрашней лекции, – и один из парней вызвался её проводить.

– Нет, вы лучше вызовите мне такси, – потребовала студентка и стала собираться на выход. Маргарита обиженно причмокивала губками, она-то спешить никуда не собиралась.

Но на первую лекцию утром Арина не попала. В общезнании её ждала телеграмма от матери: «С Тamarой беда. Срочно приезжай». Не раздумывая, Арина быстро собрала сумку и помчалась на автовокзал.

Всю дорогу мучилась вопросом: что же случилось? Телефонато дома нет, а соговыми родители так и не научились пользоваться, отмахиваясь: поздно нам осваивать чудо-технику да и вредная она, говорят, облучает...

Издали Арина заметила, что возле их дома толкуются соседки. Сердце забилось учащённо, предчувствуя самое страшное. Мать сидела на лавочке, словно окаменевшая, постаревшая лет на десять. У неё и до того ноги плохо слушались, а тут и вовсе отказали.

– Мама, – бросилась к ней Арина, – что такое?..

– Инсульт у Тamarочки, – опередили ответом соседки, сокрушённо покачивая головами. – Теперь на тебя вся надежда...

Слёзы просочились сквозь ресницы. От траурных лиц сочувствующих становилось жутко. Арина только и смогла выдохнуть:

– Жива хоть?

– Жива-то жива, – подняла глаза мать, – только парализована. Господи, что же с детками станет...

Уже в доме Арина поняла, что ей предстоит круто изменить свою жизнь. За мальчишками пригляд нужен, тут родители не помощники. Опять же деньги потребуются на лекарства, уход за сестрой. И ведь хозяйство – кур, свиней – не бросишь.

Отец с матерью ничего не советовали, да и что они могли предложить, стареющие и больные. Арина должна была сама принять решение. Она взяла себя в руки, начав энергично прибираться в доме. Всегда, когда ей было плохо, Арина бралась за любое дело, чтобы отвлечься, не раскисать. Перемыв всю посуду и приготовив ужин, она позвала мальчишек: четырёхлетнего Павла и Витюшу – двухлетка, которые совсем не понимали, что происходит вокруг и

почему все ходят с заплаканными глазами. За столом они начали баловаться, донимая друг друга, наполняя комнату беспредельным визгом. И вдруг Арина – всегда спокойная и уравновешенная – неожиданно для себя резко выкрикнула:

– А ну – тихо!

Мальши моментально осеклись, удивлённо уставившись на злую тётку; прежде она всегда их ласкала и привечала подарками, а тут словно с цепи сорвалась. Арина, подавив приступ гнева, попыталась улыбнуться:

– Мама в больнице, так что теперь я за неё. А меня надо слушаться, понятно?

Мальчишки дружно ответили «да» и принялись нехотя уплетать кашу с колбасой, изредка исподлобья бросая встревоженные взгляды на неприветливую родственницу.

– Как же теперь, дочка? – сбоку неуклюже подковылял отец, косолапо обнял Арину, шершавой скрюченной ладонью провёл по спине.

– На заочный переведусь, – уже всё решила студентка. – Пойду работать в кафе.

– Ну и добре, – тихо произнёс отец, – тебе видней. Мы с матерью какие теперь сподручники...

Вот так неожиданно-негаданно завихрилась судьбинushка Арины. Неделю спустя она отправила заказным письмом заявление в институт с просьбой перевести её на заочное отделение в связи с семейными обстоятельствами. Всё собиралась сама съездить в город, но как-то недосуг: забот по горло и нет им конца, то одно надо сделать, то другое. Уже и мать подойдёт, пожалее: «Да брось ты, отдохни, вижу как умаялась», но упёртая Арина продолжала тянуть добровольную семейную ляжку. Прищёпывая: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Как-то ночью проснулась в холодном поту, какой-то потусторонний голос увещевал: «Зачем тебе всё это нужно, ты же молодая, жизни ещё не видела, а уже в старухи записалась...». Вспомнились институтские хлопоты, по сравнению с нынешними – плюнь да разотри. Весело, легко, познавательно! Интересно, как там Маргарита? Замуж ещё не выскочила? – это у неё идея фикс. Господи, я же ей зачётку через девчонок передала, а моя осталась у Сергея Ивановича. Придётся самой ехать в институт, а то в деканате получится неразбериха.

Воспоминания об их последней встрече в полутёмной аудитории возбудили румянец на щеках. Арина ощутила жгучее томление в груди. Она впервые в жизни прикоснулась к сокровенному и запретному – неведомому доселе чувству. Может, это и есть любовь? Как жаль, что всё так внезапно оборвалось, толком не начавшись. Сергей Иванович защитит свою кандидатскую диссертацию, у него голова только этим забита, – и скоро забудет свою прилежную студентку. А что же у меня впереди? Хорошо, закончу институт заочно, а дальше... Дай Бог, сестра поправится, детишек на ноги поставим, за родителями присмотрим. А дальше? Работать заведующей в нашем кафе-забегаловке, да подворовывать потихоньку, как все там, оправдываясь, что детей кормить нечем? И так изо дня в день, до пенсии?

Арина содрогнулась от одной мысли, что беспросветная перспектива прожить среди алкашей, пропивающих последние деньги, видеть, как их жёны обречённо стонут под дверью, убьёт в ней самые светлые чувства и мечты. Но и уехать она не может. Не может бросить, оставить без помощи родителей и сестру с её мальчишками.

Арина не находила ответов на свои же вопросы и не видела выхода из сложившейся ситуации. Уткнулась лицом в подушку и затряслась в припадке беспомощности и обиды.

Проснулась с больной головой. Мать уже елозила во дворе, подкармливая живность. Отец кряхтел за перегородкой, не в силах справиться с очередным приступом ревматизма. Скоро и мальчишки начнут отряхиваться от сна, запросятся в туалет. Потом их надо покормить и чем-то занять. Один-единственный детский садик в посёлке переполнен, а потому Павлик и Витюша обречены целыми днями маяться среди взрослых и бедокурить от безделья.

А главное – они не развиваются, не постигают мир, как сверстники. Надо что-то делать, а то будет поздно...

И Арина решительно пошла в районную администрацию, где на удивление её встретили любезно, с пониманием выслушали семейную драму, но попросили собрать кучу справок и написать заявление. На это ушла последующая неделя. В один из визитов в коридоре собеса Арина столкнулась с бывшей одноклассницей Олей, которая, как оказалось, работает секретарём у замглавы администрации. Оля обрадовалась случайной встрече, посочувствовала, узнав о проблеме, посокрушалась и решительно заявила:

– Я попрошу Ивана Николаевича тебе помочь...

Как неожиданный подарок – на Рождество – пришло сообщение, что мальчишек устроят в детский сад. «Ничего, в тесноте – не в обиде», – резюмировал Иван Николаевич, отец многолюдного семейства. Арина не удержалась, всплакнула, а мать и вовсе разрыдалась, приговаривая: «Есть же ещё порядочные люди...».

Отец пошёл в сарай, пошурудил там, вызвав громкий переполох среди живности, и вскорости вышел, держа в руке тушки двух обезглавленных курочек, окутанных морозным паром. Помявшись, протянул дочери:

– Вот, отблагодари Ольгу. Праздник нынче...

Когда Тамару выписали из больницы, её детишек уже пристроили в детский сад. Старшая сестра выглядела неважно, практически ничем не помогала по хозяйству, быстро уставала и большую часть времени проводила в постели. Так что забот не убавилось. И в какой-то момент Арине привиделось, что она ухнула в «чёрную дыру», откуда попросту невозможно вырваться. Ночные всхлипывания не остались без внимания матери. Улучив момент, она во дворе остановила дочь и пожалела:

– Беденькая ты моя... Прости за всё, Господи!

Арину словно током ударило: что это ты, девонька, рассупонилась, слабину дала; ведь не только тебе тяжело, а родители-то как страдают... И с ходу порешила – надо срочно на работу устраиваться, чтобы вырваться из ежедневной рутины, а по дому убраться и вечером успею. Опять же выручила Ольга, нащептавшая своему шефу о трудностях одноклассницы. Иван Николаевич пригласил Арину на беседу. Узнав, что она собирается съездить в институт и попросить сдать экзамены экстерном, чиновник воодушевился:

– Вот что девонька, ты, я вижу, человек серьёзный, к себе очень требовательная, рассудительная... Нам такие кадры нужны до зарезу. А если к тому же ты собираешься учёбу в институте свою ускорить, то сам Бог велел побыстрей приступить к практическим делам.

– Я работы не боюсь. Говорите, где и когда я могу начать...

– У нас кафе почитай год как без руководителя, – загадочно улыбнулся Иван Николаевич, – да и работники без твёрдой руки. Непорядок!

– Да я, честно говоря, рассчитывала начать с низов, – замаялась Арина. – Какой же из меня руководитель без опыта и образования?

– Опыт – дело наживное, главное – у тебя есть характер и целеустремлённость. А мы поможем. В гражданскую войну ваши ровесники полками командовали...

– Так то в войну, – жалобно протянула Арина, совсем сбитая с толку напором замглавы.

– Вот и хорошо, вижу, что договорились, – встал со своего места Иван Николаевич, протягивая руку. – И в институт мы письмо напишем, объясним – что и как. Так что смело приступайте к новым обязанностям. И сестре вашей поможем, прикрепим соцработника...

Арина вышла из кабинета ошарашенная. Ольга приплясывала возле неё, засыпая поздравлениями: «У тебя всё получится, я не сомневаюсь!».

Впервые за долгие годы сердце Арины наполнялось теплом и сентиментальной расслабленностью, но по лицу блудили морщины сомнений, переполошившие дома мать.

– Что случилось, доченька?

– Меня берут на работу в кафе. Заведующей, – заулыбалась, размазывая слёзы, Арина. – Завтра поеду в институт, надо экзамены сдавать.

Отец встретил дочь у притолоки, застенчиво и неумело скрывая за спиной какой-то свёрток.

– Вот, Ариша, решили мы с матерью тебе подарок сделать. Прости, что на большее не сподобились... Но, как говорится, от чисто-го сердца. Заслужила ты, конечно же, и лучшей доли...

Он неповоротливо подался вперёд, намереваясь поцеловать дочку, но уткнулся ей в ухо, всхлипывая и едва слышно нащёптывая: «Прости нас, грешных...».

Подарок – модные сапоги, которые, оказывается, помогла приобрести в райпо всё та же одноклассница Ольга, – вызвал всеобщий умиленный вздох. Арина начинала осознавать, что именно здесь, в посёлке, настоящие друзья и люди, которым безразлична её судьба. Разве можно обмануть их ожидания?

В институте декан полностью поддержал студентку-отличницу, сыграло свою роль и письмо-рекомендация от главы района. Не возражал и ректор, для приличия посокрушавшись, что вуз теряет таких неординарных студентов-очников, и пожелал Арине Олеговне успехов на новом поприще.

В пустых и гулких коридорах института, опустевших после зимней сессии, когда студенты разлетелись кто куда, получив возможность отдохнуть и расслабиться, – призывно и чересчур громко цокали каблочки новых сапог. Арина по случаю надела свои лучшие наряды, втайне мечтая встретиться с преподавателем, у которого осталась её зачётка. Но декан опередил, спустив её с небес на землю:

– Сергей Иванович вашу зачётку нам передал, когда вы срочно вынуждены были выехать домой. Приятно смотреть на ваши оценки. А теперь давайте определим график сдачи экзаменов, чтобы закрыть все долги...

– А Сергей Иванович в институте? – вдруг вырвалось у Арины, и она невольно покраснела. Декан этого не заметил, деловито собирая на столе какие-то бумаги.

– Он уехал в Москву, готовится к защите кандидатской диссертации. Хороший специалист, побольше бы нам таких...

Не увидела Арина и свою подругу Маргариту, подсказали, что та умотала куда-то на каникулах, то ли в Минск, то ли ещё куда. Ну и ладно, надо сосредоточиться на сдаче экзаменов, да и на новом месте работы предстоит немало сделать, чтобы себя зарекомендовать. В хорошем настроении Арина села в автобус и сразу же уснула – сказало напряжение последних дней.

В понедельник Иван Николаевич представил её коллективу кафе.

– Прошу любить и жаловать. Арина Олеговна Вершинина, студентка-заочница торгового института, скоро станет дипломированным технологом общественного питания. И мы очень надеемся, что с вашей помощью сумеем поднять на новую высоту уровень обслуживания посетителей, улучшим культуру производства и повысим экономические показатели, что немаловажно для нашего района. Успехов вам, Арина Олеговна, в качестве заведующей. Со своей стороны районная администрация окажет вам всяческое содействие по всем вопросам. Так что не стесняйтесь и без раскраски беритесь за работу.

Пятеро работников общепита, в основном предпенсионного возраста, опасливо встретили нового руководителя: что от неё ожидать? какие фортели может выкинуть? Арина уловила недоверчивое настроение коллектива, повременив с ходу что-либо предпринимать кардинальное, хотя перемены напрашивались уже после первого обхода зала, подсобных помещений и знакомства с бухгалтерской отчётностью. Начала с генеральной уборки кафе, закрыв его на санитарный день. Составила целый список первоочередных приобретений: новые шторы, скатерти, посуда, замена освещения... Вечером по интернету определилась с ценами, заодно прикинула и стоимость оборудования, которое следовало бы заменить. Иван Николаевич, просмотрев список, только ахнул: «Да где же мы такие деньги найдём?!», но Арина твёрдо заявила:

– Без косметического ремонта кафе так и останется забеголовкой. Нужно поменять имидж, дать понять посетителям, что здесь не затрапезная пивнушка, но и место для семейного отдыха,

для приличных банкетов и торжеств. Помогите хотя бы с ремонтом, на шторы и другие детали интерьера я потрачу свою первую зарплату.

– А говорили, ты робкая и несмелая, – хмыкнул замглавы и, помолчав, вдруг лихо рубанул рукой воздух: – А что, мне такой подход нравится. Действительно, надо же когда-то из хомуты выбирать. Действуй, дочка! Но зарплату свою не трать, не лишняя чай. С ремонтом, думаю, поможем. Но как быть с планом?

– Закроем одну половину, – деловито рассуждала Арина, разложив на столе план кафе, – заодно поставим перегородку для пивбара, пусть мужики опохмеляются с улицы, другим не мешая. Там пока и будем план делать. А потом у нас есть небольшой банкетный зал, его бы надо расширить за счёт подсобки, в которой один только хлам накапливается. Будет где дни рождения справлять, юбилеи...

– Надо нашего архитектора подключить, – Иван Николаевич делал пометки в деловом блокноте, – а насчёт ремонта попрошу «Ремстрой», тем более у них через месяц годовщина организации, будет стимул побыстрее закончить и встретить знаменательное событие в обновлённом помещении...

Вместе с весенним буйством природы расцветало и настроение Арины. Приятные хлопоты только придавали дополнительные силы. Зашедший в кафе начальник «Ремстроя» Алексей Коровин – мужчина лет тридцати пяти – молча оглядел фронт работ и, прищурившись, уставился на заведующую.

– А ты какая родня нашему заму? – спросил с явной досадой, незапланированный ремонт Коровина совсем не вдохновлял.

– Ивану Николаевичу? – смутилась Арина. – Никто.

– Так не бывает, – недоверчиво покачал головой Алексей, – что-то я не замечал, чтобы наши чиновники за здорово живёшь занимались ерундой.

Арина вспыхнула, потащила Коровина в свой закуток, называвшийся кабинетом, где с трудом втиснулся письменный стол, платяной шкаф и два стула. С ходу она ткнула пальцем в план, выговаривая:

– Разве в этом банкетном зале вы сможете провести своё торжество? А передвинете стену – она не капитальная – и места станет больше, не надо будет тесниться...

Коровин недоверчиво посмотрел на самодельный чертёж, всё ещё надеясь отвертеться от поручения замглавы.

– А вы знаете, сколько надо согласований, смету составить, туда-сюда?

– Вы что же, пришли со мной торговаться или просто время тянете? Тут работы всего на два-три дня, – решительно произнесла Арина. – Или вам слабо?

Последняя фраза задела самолюбие строительного начальника. Он весь напряжился и сверкнул глазами.

– Да ничего не слабо. Хорошо, банкетный зал сделаем, а вот остальное...

– Когда можете приступить? – сбила его с толку Арина и улыбнулась, потрепав за рукав. – Давайте завтра. За два дня управитесь, а там решим, что дальше делать.

– Ты точно чья-то родственница, – ухмыльнулся Коровин, – без поддержки вряд ли бы была такой смелой. Ладно, пришлю с утра бригаду, Родионовна.

Услышав отчество-прозвище, Арина рассмеялась.

– Хорошо, жду.

Уже закрывая дверь, Коровин обернулся.

– А Родион Фомич из области кем вам приходится? – спросил на полном серьёзе, и Арина решила ему подыграть:

– Будущий тещ, отец жениха.

– А-а! – глаза Коровина округлились, он почтительно поклонился и вышел.

Арина об этом с беззаботной весёлостью поведала дома. Все восприняли шутку как должное, только отец насушился:

– Зря ты так, дочка. С этими мужиками надо держать ухо востро, от них всякого можно ожидать.

– Да мне-то что, – улыбалась Арина, – если у них с юмором

туго, пусть сами на себя обижаются. Лишь бы дело с мёртвой точкой сдвинулось.

Дело и впрямь сдвинулось. Только все стали смотреть на Арину как-то иначе, чем прежде, заискивающе что ли. При очередной встрече Иван Николаевич не удержался, спросил почему-то шёпотом:

– Ты, правда, замуж выходишь за сына Родиона Фомича?

– Ах, вот в чём дело! – Арину буквально распирали смех, но она постаралась выглядеть серьёзной. – То-то я смотрю, все ходят вокруг какие-то странные. Значит, Коровин разболтал...

– Арина Олеговна, это дело хорошее, – залез безил замглавы, – правильно, нечего раньше времени болтать, как бы не сглазить.

– Да вы что, Иван Николаевич, серьёзно что ли?

– Ладно, ладно, об этом после поговорим. Давай лучше о твоём ремонте. Я вот тут наших фермеров поднапряг, чтобы скинулись на стройматериалы. Завтра у нас после совещания где-то в десять утра поговоришь с ними, озадачишь, так сказать. А сейчас, извините, опаздываю на собрание...

В мае обновлённое кафе, получившее название «Ветерок», торжественно встречало посетителей. Арина специально выписала из города аниматоров, для детишек завезли мороженое, сделали молочные коктейли. Новая кофемашина привлекла внимание женского пола, пока сильная половина за углом дегустировала невиданное до этого чешское пиво. В расширенном и по-праздничному оформленном банкетном зале Коровин отмечал 15-летие своей фирмы. Глава района Денис Степаныч Громов, заглянув на торжество строителей, лично выразил своё почтение молодому руководителю общепита и вручил Арине большой букет алых роз.

– Я всегда говорил, что молодёжи надо больше доверять, – громко декларирует Денис Степаныч, – и вот, пожалуйста, у нас перед глазами пример такого доверия. Арина Олеговна, как мне сообщили, блестяще экстерном сдала экзамены за второй курс института. И это не мешает ей кардинальным образом перестраивать работу общественного питания у нас в районе. Жители не нарадуются, что у нас появилась своя выпечка, по выходным в кафе организуются познавательные вечера, есть куда пойти вечером всей семьёй. Иван Николаевич, – он обернулся к своему заму, – я вот что подумал... Осенью у нас выборы депутатов в райсовет, почему бы не рекомендовать туда Арину Олеговну Вершинину?

Все вокруг зааплодировали, Громов остался доволен эффектом от только что родившейся идеи. Забыв про банкет, люди полезли к Арине с поздравлениями, а она стояла растерянная и смущённая. Как будто и не было всех её мытарств полгода назад, когда, казалось, иссякали душевные и физические силы, когда волком хотелось завывать и броситься в омут, если бы не воскресавшее из глубин сознания чувство ответственности за больных родителей, сестру и малолетних мальчишек.

Уже дома, уставшая и довольная, Арина распахнула окно, и комната наполнилась терпким, закружившим голову, ароматом сочной сирени. Она легла поверх одеяла, вытянув гудящие ноги, закрыла глаза. И сладкий полусон понёс её далеко-далеко, покружив по небесам, мягко придавил невесомое тело к земле и сквозь стену спланировал в полутёмное помещение, где едва различались предметы и лица. Но одно лицо, приблизившись, обрело черты Сергея Ивановича, улыбочивого и смешного. Губы как в немом кино что-то шептали, присмотревшись, Арина прочитала: «Я люблю вас!». Она хотела ответить тем же, но гадкий пронзительный звонок на перемену разрушил сон. Видение испарилось.

Открыв глаза, Арина увидела дребезжащий будильник и вспомнила, что вчера Иван Николаевич её предупредил: «Нечего больше в автобусе трястись до института. Заранее говори, я тебе свою машину дам... Завтра надо ехать? Нет проблем, водитель к семи подскочит, думаю, за день там управитесь».

Двор института кипел от непомерной энергии студентов. Начало летней сессии. Сил и духа ещё предостаточно, чтобы оптимистично смотреть в будущее. Вокруг галдели и ржали до неприличия. Обсуждали планы поездки в стройотряд или к морю. Никто не упоминал об экзаменах, как будто всё уже позади и можно расслабиться.

Арина быстро прошла в деканат, сверила своё индивидуальное расписание, прикинув, что сегодня удастся сдать только два зачёта, но девушка-методист обрадовалась:

– Так у вас по этим предметам «автомат», зачёты сданы. Давайте попробуем договориться с другими преподавателями, когда они смогут вас принять.

Арина поблагодарила за заботу и попросила отлучиться минут на пятнадцать. Ноги сами привели её в ту самую аудиторию, где зимним вечером она едва не распахнула дверь в царство любви. Никого из сокурсников не встретила, быстро пробежала глазами график сдачи экзаменов и зачётов, среди преподавателей Сергей Иванович не значился. Да и откуда ему здесь взяться, он же в Москве. Стало быть – не судьба.

«Что ж, – подумала Арина, – раз экзаменов сегодня нет, надо возвращаться, не буду водителя томить, да и Ивану Николаевичу машина, наверняка, нужна; негоже злоупотреблять...». Уже на порогах её окликнули. Обернулась: да это же Вика – однокурсница с дневного отделения. Словно закадычные подруги обнялись, поспысали обоюдные вопросы: что да как. Арину так и подмывало спросить про Сергея Ивановича, но она не решилась вот так, напрямую. Зашла с другой стороны.

– Ты Маргариту нашу давно видела?

– Так она, как и ты, на заочный перевелась, – мило улыбалась Вика. – Она теперь в Москве. Замуж вышла, вот профура!

– Там, в Москве?

– Да. И знаешь, кого заграбастала? Помнишь, был у нас такой препод по философии Сергей Иванович, он теперь кандидат наук, где-то в столичном университете пристроился. Так вот Динамит времени даром не теряла, окрутила его по всем пунктам, размечталась о московской прописке, о хорошей зарплате мужа...

Арина уже не слушала подробности, вернее, их не слышала. Сознание затуманилось, замутилось. Хрупкая надежда разрушилась, разлетевшись мелкими осколками, вот так – запросто, на раскалённых ступенях торгового института, в окружении галдящей толпы. Хотя Арина и не тешилась иллюзиями, но услышать, что её приятельница самым беспардонным способом воспользовалась ситуацией... Это было выше её сил.

Всю дорогу до дома она, стиснув зубы, молчала. Ничего не хотелось делать, ничто не радовало. Родители, заметив смену настроения – утром уезжала весёлая и бодрая, а вернулась как побитая собака, – не приставали с расспросами. Только перед сном подошла мать, как в детстве приголубила, поцеловала в лобик и тихо прошептала:

– Ничего, доченька, утро вечера мудренее. Авось всё наладится.

Спустя пять лет депутат областной Думы, заместитель главы района по социальным вопросам Арина Олеговна Вершинина на митинге по случаю открытия в посёлке долгожданного хлебозавода на всякий случай, боясь поддаться эмоциям, сжимала в кулаке платочек. Она по-настоящему ощущала себя счастливой и без лишней скромности в душе гордилась, что сумела убедить начальство найти инвестора, потому что не дело возить хлеб за тридевять земель; он же свой, кровью и потом выстраданный, вынужденный, так почему надо урожай куда-то на сторону отдавать, почему сами не можем с любовью из своей же муки выпекать вкуснейшие караваи...

А хлебозавод – это жизнь. И надо теперь восстановить масло-сырзавод, а потом и пищекомбинат. Но хватит ли сил бороться за новые идеи? И где гарантии, что через десять-пятнадцать лет какой-нибудь хват не разрушит всё это вновь?

Арина задумчиво шла по улице, все встречные почтительно здоровались, кто-то даже кланялся. Значит, не зря всё это. А что будет потом – одному Богу известно. Жить-то надо сейчас – с интересом, с удовольствием. Так что сил хватит. Вот только в суете будней зачерствел её так и не найденный ответ на вечно-молящий вопрос матери: «Когда же для себя жить начнёшь, личную жизнь улаживать?».

«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»

Так называется совместный проект Орловского фотографического общества при Орловском краеведческом музее, Орловского Союза журналистов и реготделения «Союз российских писателей»

«Экология души» рассчитана на широкий круг фотографов-профессионалов и любителей. Главная идея проекта — знакомство зрителей с обычными людьми, чьи труды вдохновляют и радуют окружающих.

На первом этапе просветительской акции представлены шесть фотоочерков хорошо знакомых орловскому зрителю фотографов: Дениса Никишина (г. Болхов), Дмитрия Куликова (п. Хотынец), Игоря Сигалова (г. Орёл), Татьяны Озёриной (г. Брянск), Сергея Чупахина (г. Орёл), Леонида Тучнина (г. Орёл).

Презентация проекта состоялась в Орловском краеведческом музее.

По замыслу организаторов фотовыставка «Экология души» будет пополняться работами новых фотографов. Выставку запланировано показать в районах области, там же для желающих профессиональные фоторепортеры организуют мастер-классы.

Виктор Панков:
«Просто дизайнер»

Фотоочерк Сергея Чупахина

Ольга АРИСТАРИНА

Ольга Аристарина родилась и выросла в Краснозоренском районе Орловской области.

С золотой медалью окончила школу.

С красным дипломом окончила Орловский государственный университет – отделение журналистики филологического факультета. Работает в сфере массовых коммуникаций.

Её проза и стихи публиковались в творческих сборниках, региональных и федеральных печатных изданиях.

Обладатель Гран-при Всероссийского конкурса «Спасите пушкинский язык!» (2019).

В издательстве «3-е ИЮЛЯ» готовится к выпуску первый сборник иронических рассказов Ольги Аристариной – «Искушение». Но молодой талантливый автор уже пишет новые рассказы, которые, надеемся, войдут во вторую книгу.

Интеллигентные люди

Немного угловатая улыбчивая Настя нравилась Сергею давно, но лишь в десятом классе он отважился пригласить её на вечерний киносеанс. О чём был фильм, уже не помнит. Наверное, о чём-то приятном, наивном, простом, как румяное солнце над запылённым сквером, как маленький беззащитный ласковый котёнок на коленях...

В тот вечер Сергей захлёбывался счастьем: было так удивительно легко и радостно, как никогда и никому. Словно прекрасная волшебная история ожила...

Они долго гуляли по парку. С детства знакомые места казались теперь такими удивительно-притягательными, что дух захватывало.

Почему раньше эти двое не замечали, сколько в мире красоты: маленькая искрящаяся лужица у подъезда похожа на невиданную Голубую розу; небо вовсе не хмурится чернотой – просто оно слегка прикрыло свои очи звёздным пологом. Неужели так было всегда!?

Необщительный по натуре Сергей без умолку болтал, а Настя восхищённо ловила в вечернем полумраке блеск его глаз. И прежде Сергей ощущал её тёплый взгляд, но всегда в стеснении опускал голову. Сейчас по-другому: нежный взор девушки пробуждал в душе не робость, а совсем иные чувства. Шёки горели не от необъяснимого стыда или неловкости, а от всполохов счастья. Какой-то лукавый волшебник по своему желанию подарил этим двоим ключи от всех сказок, какие только были в мире.

Чем прекраснее мечта, тем труднее возвращаться к реальности...

– Простолюдинка тебе не пара, – однозначно заявила мать Сергея. – Ты из потомственной интеллигенции, а эта Настя – хабалка. Сама видела, как она со своей матерью подъезды драит. Даже отца у неё нет. Наверное, умер от пьянки. Из-за кого ты хочешь раз и навсегда разрушить свою жизнь? Не позволю! Поедешь в Москву, поступишь в университет. Там найдёшь перспективную девочку.

Настя вся светилась, едва завидев Сергея на пороге класса, а он вдруг воровато опустил глаза и пошёл на своё место. Реальность приобрела настоящие цвета: чёрный, чёрный, чёрный... Лучше бы вовсе не знать, каким может быть мир, каким он должен быть. Ещё не приобретя, вдруг – потерять. Не верить, не видеть, но почувствовать прикосновение счастья, чтобы затем остаться наедине с тиранией скуки, приносящей к безоговорочному подчинению.

Сергей знал, с властной скандальной матерью лучше не

связываться. Даже отец, человек, занимающий высокий пост в городе, просто молчит. Сидит в своём кабинете, делая вид, что занят делами, а сам часами смотрит в окно.

Заводить спор бесполезно, поговорить, как это обычно делают нормальные люди, не удастся. Упрёки и наставления откровенно достали. В семье нет недостатка в деньгах, дорогих вещах, красивой мебели. Лишь один «товар», который не купишь за деньги, в дефиците – любовь.

Несмотря на старания матери отгородить сына от окружающего мира, дать тепличное воспитание, Сергей глядел на жизнь по-взрослому. Всё понимал, готов был многое простить отцу. Грубость к супруге, связи на стороне – пожалуйста! Но вот в чём беда: этот солидный, уважаемый человек раз и навсегда смирился ничего не пытаться изменить. Стал похож на актёра, у которого на протяжении всего спектакля одна реплика: «Я занят»...

Москва, учёба, бесконечные мысли о Насте. Словно по совету психолога, чтобы заглушить боль – горы прочитанной литературы, научные работы, аспирантура, диссертация, учёная степень... Серая неразбериха душного мира прочно затянула петлю на шее, перекрыв доступ ко всем чувствам сразу. Сплошной непонятный круговорот людей и вещей. Если посмотреть со стороны – человек состоявшийся. Удачливых женщины любят. Красавица, оказавшаяся не такой уж недоступной, положила взгляд на молодого учёного. Вскоре как капризная девчонка, желающая получить новую игрушку, добилась цели. Рождение ребёнка, наряду с другими «глупостями», в планы не входило. Она, как могла, наслаждалась жизнью, похожей больше на поход в дорогой супермаркет. На витрине представлен широкий ассортимент развлечений, всё нужно попробовать: наряды, тусовки, банкеты. Главный козырь в любой игре: муж – крупный учёный.

Увы, но симпатичное лицо не гарантирует красоту души. Да и вообще в мире нет никаких гарантий. Кто способен поручиться за свою судьбу, тот просто ничему не научился за краткий отрезок земного существования.

Сергей пришёл к интересной философии. Прошлое можно только оплакивать, если не жаль напрасно тратить силы. С настоящим приходится мириться, что в его положении, на первый взгляд, не особенно тягостно. Ведь успех в чём-либо затягивает, позволяя создать необходимый образ, маску, скорлупу... Остаётся только ждать будущего. А потери и приобретения, которые оно принесёт, не пугают и не очень радуют...

Сергей всё чаще вырывался из Москвы в родной город, чтобы навестить мать. Из огня да в полымя. После смерти

Я не куколка

отца её болезни с систематическим постоянством начали обостряться. Даже в медицинском справочнике их перечень, очевидно, короче, чем в бесконечных жалобах. Профилактические осмотры стали основным развлечением. Самостоятельное лечение – неотъемлемой частью жизни. Вот она, проза бытия. Тоска, привычка, отвращение. Словом, всё как всегда, – хорошо...

И в этот раз Сергей привычно молчал, слушая непрекращающиеся нравоучения, подкреплённые примерами из её единственно правильной жизни. Всё это уже было произнесено миллионы раз и наскучило до зуда в позвоночнике. Но вдруг промелькнули какие-то новые нотки. Неужели мамаша кого-то похвалила. Интересно! Сергей даже переспросил.

– Да, я же говорю, твоя бывшая одноклассница, Настя, тогда её фамилия была, кажется, Смирнова. Серёженька, если бы ты знал, какой она чудесный доктор. Все её больные выздоравливают в два раза быстрее. Море оптимизма. А сколько трудностей пережила... Мы с подругами посплетничали. Оказывается, её родители были ведущими инженерами на машиностроительном заводе. Но отец погиб в автокатастрофе, когда Настюша пошла в первый класс. Представь себе, они с мамой вечерами мыли полы в подъездах, чтобы накопить денег на учёбу в институте. Поистине, интеллигентные люди не боятся никакой работы. Муж у неё тоже врач, человек представительный. Столько лет вместе, а он до сих пор не сводит с жены глаз. Любовь, наверное. У меня с отцом тоже так было... У Насти две дочки – школьницы, прямо мамино зеркальное отражение. Поток доброты. Один раз на приёме меня пирогами угощали. Приятно, хотя тесто у них не очень поднялось... Ко всему их мама приучила, прямо как я тебя. Не то, что твоя длинноногая мымра. Как ты мог на такой жениться, не понимаю. Кроме кривляний ничего не умеет, вроде бы и дочка профессора, а совершенно не интеллигентная. Если бы не она, давно бы к тебе перебралась. В Москве и врачи получше. Я вот недавно прочитала...

Мать всё щебетала и щебетала, но больше Сергей ничего не слышал. Он никогда не выбрасывал своих черновиков, чтобы в любой момент можно было вернуться к ним и что-нибудь переделать. Как поступить сейчас? Мужчина облокотился на ручку кресла, подпёр голову рукой. Глаза стали стеклянными и злыми. Возникло странное гложущее ощущение: что-то важное навсегда потеряно, осталось пылиться в скачущих библиотеках, придавлено горами исписанных листов, отогнано умными, правильными, если угодно – интеллигентными мыслями.

Из глубин подсознания начала всплывать ранее хорошо замаскированная злость. Досада медленно, как огромные жернова мельницы, перетирала остатки терпения. Сергей стиснул зубы, почувствовав, как лицо начинает заливаться жгучей краской.

Мужчина сидел в удобном кресле, но теперь во всём теле, особенно в ногах, возникло неизвестное прежде нервное напряжение. Лишь недавно появившаяся ядовито-приторная интонация материнского голоса раздражала, как рой диких пчёл, как бестолковый уличный шум, мешающий сосредоточиться.

Вдруг Сергей почувствовал, что вот-вот в его глазах появятся слёзы, холодные и какие-то... нежизнеспособные. Чтобы сдержаться, он с едким лукавством и деланным вниманием спросил: «Интересно, у интеллигентных людей есть ещё развлечения, кроме как портить другим жизнь?».

«Ты моя куколка», – часто приговаривала Клавдия, глядя племянника по кудрявым волосам «Я не куколка, я – Виталик!», – отвечал её маленький московский гость. В такие моменты в его глазах цвета небесной синевы вспыхивала искорка возмущения, смешанная с нежностью.

Тётку, сестру матери, Виталий любил, а вот тишина деревенских улиц наводила на него скуку. Однако каждое лето мальчика отправляли к Клавдии, которая жила одиноко в небольшом, но добротном доме и очень любила родное село, ещё не вдохнувшее отравы запустения.

Мальчишкой поменьше Виталик часто ходил с местной ребятнёй за ягодами, любил рыбалку. Повзрослев, понял: куда приятнее долгие беседы с тёткиной соседкой Алёнкой. Девочка хорошо училась, много читала, интересовалась всем на свете. Виталий слушал её, затаив дыхание. С некоторых пор незаметно для самого себя мальчик стал ждать лета, поездки в деревню. Особенно приятно было думать об Алёнке. Правда, даже повзрослев, паренёк особо не размышлял о чувствах, которые испытывал к совершенно «летней» знакомой...

В Москве, противореча всем законам физики, время летит быстрее и незаметнее. Институтская жизнь, весёлые компании, бойкие поклонницы, надежды, разочарования, снова надежды... Виталий ничего не знал об Алёнке, но частенько вспоминал их единственную соловьиную ночь, холодный рассвет над рекой, слёзы росы в траве и печальный свет в глазах, бесконечно преданно смотревших на него.

Тётка, изредка навещая столицу, сетовала на невнимание племянника к ней, но ни разу ни словом не обмолвилась о соседке. Спросить самому не хватало мужества. Виталий чувствовал себя виноватым, хотя в чём именно его вина, до конца не разобрался.

... Деревня ничем не изменилась за десять лет. Те же покосившиеся заборы, пыльная зелень садов, пение птиц за окном. Мальчишка лет десяти звонким голосом дрессирует маленькую дворняжку. «Кто это?» – кивнув в сторону соседского дома, спросил Виталий.

Клавдия улыбнулась: «Алёнкин сын, уже третьеклассник. Ты же знаешь, она в городе в институте училась, родила, потом замуж вышла».

«Тётя Клав, сначала замуж вышла, потом родила», – попытался пошутить Виталий.

«А у вас, молодых, не поймёшь, что сначала, что потом. Главное, муж попался замечательный, её и мальчишку любит. Да и дочку Алёнка ему родила – красавицу. Всему своё время. Вот тебе тридцать лет – ни жены, ни детей. Под старость мне и порадоваться не на кого. Не думаешь обо мне, не навещаешь, а вот Алёнка с семьёй – частые гости, заходят по-соседски. Муж её мне недавно крышу перекрыл, дрова колет, помогает... С нашей Алёнкой любой мужик был бы счастлив. Душа у неё добрая».

«Бабушка Клава, я тебе воды принёс», – звонкий мальчишеский голос прервал пылкую речь женщины.

Клавдия взмахнула руками и, светясь от счастья, нареспев проговорила: «Ах, ты моя куколка!».

«Я не куколка, я Виталик», – взмахнув кудрявой головой, поправил Клавдию мальчишка, подняв на незнакомого дядю синие-синие глаза.

Валерий АНИШКИН

ГИПНОТИЗЁР

I.

Психприёмник находился в городском парке, в зоне аттракционов. Длинный одноэтажный дом с высоким фундаментом и выщербленными кирпичными стенами, окрашенными в грязно-жёлтый цвет, несуразно торчал среди зелени лип и клёнов, которые не могли полностью скрыть его ядовитую желтизну, и он виден был далеко за парковой оградой.

Они обошли здание кругом, и мать, пропустив Стаса вперёд, будто опасаясь, что тот в последний момент сбежит, стала подниматься по шаткой деревянной лестнице следом за ним.

В плохо освещённом коридоре мать остановила проходящую мимо сестру и тихо, и невнятно, так что пришлось повторить, спросила, где найти врача-невропатолога Валентина Степановича.

– А вон, к нему больные сидят, – сестра кивнула в конец коридора.

Они со Стасом подошли к кабинету, возле которого сидели и стояли люди, и мать, не останавливаясь, с ходу открыла двери и исчезла в кабинете. Через несколько минут она позвала Стаса.

Гипнотизёр Валентин Степанович оказался рыжим мужчиной средних лет с гладким полным лицом и серыми глазами. Он усадил мать со Стасом у стола, и они сидели друг против друга, напряжённо ожидая, когда он кончит писать. Наконец, врач ткнул ручку в гнездо чернильного прибора и захлопнул чью-то историю болезни.

– Ну, рассказывай, – он строго посмотрел на Стаса. – И как у попа на исповеди, ничего не скрывай.

– Чего рассказывать-то? – исподлобья взглянул на врача Стас.

– А всё! Пьёшь давно?

Стас пожал плечами.

– Ну, сколько времени?

– Да года два.

– А самому сколько лет?

– Двадцать один.

– Ну! Стаж небольшой! – врач растянул губы в улыбке, показывая крепкие ровные зубы, но тут же его лицо снова приняло строгое выражение.

– Но это не важно. Пьёшь часто?

– Да дня не бывает, чтоб трезвый пришёл, – сказала мать.

Она со всей серьёзностью отнеслась к словам «как у попа на исповеди» и готова была вывернуться наизнанку, раз это нужно.

– А если не попьёт неделю – не знаешь, что и думать.

Наша бабушка тогда говорит, что это не иначе, как медведь в лесу сдох.

– Какой медведь? – не понял врач.

– Да так говорят, когда что-нибудь удивительное происходит, какое-нибудь событие, – пояснила мать.

Глаза Стаса вспыхнули, но тут же погасли, и он снова перевёл взгляд на врача.

– Синдром похмелья наблюдается?

– Бывает, – признался Стас.

– Вещи из дома ещё не пропивает? – спросил врач.

– Вещи нет, – испугалась мать.

Валентин Степанович помолчал, будто переживая свои невесёлые мысли.

– Ты сам-то понимаешь, что тебя ждёт дальше? В лучшем случае – ЛТП... А сколько преступлений совершается в пьяном виде?

– Ну уж и преступлений, – усмехнулся Стас.

– Да-да, преступлений, – заверил врач. – И сам не заметишь, как сядешь на скамью подсудимых. Я всяких видел. Хороший в прошлом человек, из порядочной семьи и – убийца. А начиналось всё просто. Сначала в компании рюмку выпил, потом другую. А очень скоро обходиться без водки уже не мог. Потребность в дозах всё увеличивалась, организм требовал спиртного. В голове одна мысль сидит – где достать выпить. Значит, что? Воровать! Совершил кражу – вот и готовый преступник.

Стас с безразличным видом слушал.

– Лечиться сам надумал? Или мать заставила?

– Сам, сам! – торопливо заверила мать.

– Сам! – подтвердил Стас, чтобы не расстраивать мать.

– Вот это хорошо, что сам. У меня это главное условие.

Лечение может быть успешным, если человек сам хочет бросить пить.

Он встал.

– Разденься до пояса. Я осмотрю.

Стас снял рубашку.

– Вытяни руки вперёд! Разведи пальцы. Закрой глаза.

Врач осмотрел руки Стаса. Пальцы не дрожали. Пощупал печень. Печень тоже в норме. Померил давление – 120 на 70.

Осмотр был закончен. Врач снова сел за стол и вяло произнёс:

– Ну что ж, будем лечиться?

Не ожидая ответа, попросил Стаса:

– Посиди в коридоре. А вы останьтесь, – задержал он мать.

В коридоре Стас занял свободный стул и стал разглядывать посетителей. Мужчины сидели, а возле них стояли женщины. Мужчин оказалось четверо, и все украдкой поглядывали

вали друг на друга. Молодой парень в поношенных джинсах и потёртом свитере выбивал нервную дробь ногой в стоптанной босоножке. Пожилой, очень худой мужчина с серым лицом и синими гладко выбритыми щеками, с силой мял кисти рук, будто их форма его не устраивала, и он хотел придать им совершенно иную. Третий, средних лет, качал ногой. Стас встретился взглядом с лысым обрюзгшим человеком, одетым в хороший костюм и белую рубашку с галстуком. На коленях у него лежал портфель, в руке он держал шляпу. Человек поспешил отвести глаза, но тут же снова взглянул на Стаса, снова отвёл глаза, не удержался и опять посмотрел на Стаса. И вдруг глаза человека забегали, замигали, а пальцы нервно забарабанили по коже портфеля. «Алкаш, все алкаши!», – отметил про себя Стас. – Тоже к гипнотизёру. Он затосковал. Подумалось: «Во влип, сижу с алкашами». Себя к этой категории Стас никогда не причислял. Ну, выпить не дурак, но себя не пропивает и «по-чёрному» не пьёт.

Пожилой мужчина сказал:

– Что-то я в этот гипноз особо не верю.

– Не, надо завязывать, я всё – амба, – доверительно сообщил обрюзгший интеллигент.

– А это как выйдет, – обречённо произнёс парень в джинсах. – Меня два раза в принудилровку определяли. От антабуса мозги набекрень свихнулись. Месяц, другой держись, а потом она тебя ещё злей сшибает.

– Может, гипноз, поможет?

– А кто его знает? Может, и поможет.

– А чего ж пришёл, если не веришь? – угрюмо спросил Стас.

– Веришь, не веришь, а когда трезвый, на мать помотришь и думаешь: «Что ж я, сволочь, делаю! Меня ж удавить, гада, мало!.. Жена ушла. А какой бабе приятно с алкашом жить?» Я как выпью, соображать перестаю, чёрте что вытворяю, наутро рассказывают – не верю. Мать говорит: «Лучше б ты маленьким помер, когда тифом болел». Кто-то посоветовал, дал адрес гипнотизёра. Мать говорит: «Давай последнее попробуем»...

Мимо кабинета прошла то ли сестра, то ли нянька в белом халате. Через минуту она показалась снова в дверях и позвала:

– Больные, заходите. И родственники тоже, – добавила она.

Стас встал и пошёл к выходу. В парке он сел на скамейку недалеко от лечебницы, так чтобы видеть вход и не прозевать мать, когда она выйдет. Вышла она скоро. Увидев Стаса, разразилась бранью:

– Что ж ты, негодяй, делаешь? Это что, мне надо? Да я со стыда сгорела, пока там в этой компании сидела... И что теперь? Отец же тебя из дома выгонит.

– А куда ты меня привела? – разозлился Стас. – Ты видела эти рожи, дебилы законченные.

– А чем ты лучше? Такой же алкоголик, как они. Тебе лечиться нужно.

Мать заплакала. Стас помолчал и сказал:

– Я что, против что ли? Но можно же как-нибудь без этой рекламы? Можно было договориться, чтобы он меня одного лечил своим гипнозом? Денег пожалела?

– Дурак ты дурак! Как только язык поворачивается... Сиди, не вздумай куда уйти. Врач освободится, я поговорю с ним. Может, так и лучше.

Мать вытерла глаза платочком, посмотрелась в маленькое круглое зеркальце, которое достала из сумочки, попра-

вила шляпку-минингитку и пошла назад в психприёмник.

Стас устал ждать. Он вставал со скамейки, нервно ходил, опять садился и всё смотрел на часы. Увидев мать, выходящую из приёмника, поспешил к ней. Пошли в сторону своего дома.

С минуту молчали, потом мать сказала:

– Валентин Степанович дал свой адрес, сказал, чтобы пришли к нему на дом через три дня, в субботу. До этого времени чтоб ничего спиртного не пил.

Стас молча кивнул.

У пивной за горсадом шумел мужской народ. Удерживаясь за стенку павильона, пошатываясь, брёл пьяный. Веки тяжело открывали глаза, бессмысленно пялившиеся на прохожих, и в их мутной поволоке отражалось удивление.

Стас равнодушно посмотрел на пьяного и отвернулся.

– Вот хорошо-то, вот красиво! Полюбуйтесь, люди! – с чисто женской логикой, укрепляя трезвое состояние сына, зачастила мать, чётко отделяя Стаса от забулдыг...

II.

Врач жил в окраинном районе Овражки. Люди называли его купеческим. Дома тут строили добротные, с гаражами в нижних этажах, а обширные садовые участки сторожили цепные псы. Здесь обосновался зажиточный люд – преуспевающий класс торговых работников и сферы обслуживания, модные специалисты.

Мать, сверяясь по бумажке и расспрашивая прохожих, нашла, наконец, нужную улицу и дом. Они со Стасом прошли вдоль двухметрового дощатого забора, выкрашенного тёмно-зелёной краской, до металлических ворот с калиткой, тоже тёмно-зелёных.

Мать хотела постучать в калитку, но увидела сбоку кнопку звонка и неназойливо позвонила. Захлебнулась в злобном брёхе собака. Строгий женский голос прикрикнул на неё, и она, заурчав недовольно, громыхнув цепью, умолкла. Послышался металлический скрежет засовов, и калитка открылась. Моложавая женщина с холёным лицом, со старомодно уложенной венчиком вокруг головы толстой косой, вопросительно посмотрела на мать и Стаса.

– Мы к Валентину Степановичу, – поспешно объяснила мать. – Он назначил на пять часов.

Женщина молча впустила их и пошла впереди по забетонированной дорожке. Опять яростно залаяла собака. Она рвалась навстречу чужим, но цепь удерживала её, и собака, повисая в воздухе передними лапами, отскакивала назад к будке и снова бросалась на пришедших.

– На место, Дик! Кому сказала, на место! – прикрикнула женщина, и породистая тварь исчезла в будке, только из темноты зелёными огоньками горели настороженные глаза.

Женщина провела их через сад к высокому дому из белого кирпича с мансардой, больше похожей ещё на один этаж, и обширной верандой. Усадила мать и Стаса на веранде в плетёные кресла, крикнула в двери: «Валя, к тебе!» и ушла в сад.

На веранде они были не одни. Чуть в стороне сидела худенькая молодая женщина, похожая на девочку. Она сидела не глубоко в кресле, а на краешке его, как на стуле, выпрямившись и плотно сжав ноги в коленках, прикрывая их сумочкой. Женщина заметила, что её разглядывают, застенчиво улыбнулась, показав ямочки на щеках, и ниже опустила сумочку.

– Вы тоже к Валентину Степановичу? – спросила мать.

- Муж лечится, – охотно пояснила она.
- Ничего, надо! Мы тоже вот, – кивнула она на Стаса.

Стас скривил губы, отвернулся и уставился на раскидистую голую яблоню, ветки которой, колышимаемые лёгким ветерком, ползали змеями по стеклу окна.

В дверях показался врач, пропустил вперёд высокого стройного мужчину с цепким взглядом. Женщина поспешно поднялась им навстречу. Врач поздоровался с матерью и Стасом и попросил немного подождать.

– А вы пройдите, пожалуйста, со мной! – обратился он к женщине.

Они ушли в дом. Мужчина стоял спиной к матери и Стасу, смотрел в окно, тихо с шипением насвистывал что-то непонятное и в такт покачивался с носка на пятку.

Через несколько минут врач, мать и Стас сидели в просторной кухне, все стены которой почти до потолка были выложены импортным кафелем с тёмно-синим рисунком. Пол, покрытый линолеумом под паркет, удачно сочетался с гарнитуром, оформленным под дерево. В одном углу стоял большой холодильник с раздельной морозилкой, в другом пенал, который мать сначала тоже приняла за холодильник.

– Ну, как настроение? – спросил гипнотизёр, обращаясь сразу и к матери, и к Стасу. – Выпить не тянет?

– Нет, – соврал Стас.

Гипнотизёр попросил мать посидеть на веранде, а Стаса повёл его за собой. Проходя через плохо освещённый коридор, гипнотизёр куда-то в пустоту сказал: «Маша, я в бронзовой комнате!», и Стас вошёл следом за ним в небольшую комнату. Из-за ночных штор, задвинутых почти до конца, в ней царил полумрак. Когда глаза привыкли к темноте, Стас отметил, что комната действительно «бронзовая». От огромной люстры до массивной рамки, чуть не во всю стену, с картиной, изображающей купальщицу – всё бронзовое или под бронзу.

Полуметровая статуэтка Аполлона стояла на круглой подставке. На старинном столике с гнутыми ножками – чернильный прибор с чистыми чернильницами из стекла, покрытыми бронзовыми крышечками и фигурой всадника на мраморной подставке. На белом комодe с резными ящичками – зеркало в бронзовой оправе и бронзовые часы с фигурками амуров. На стене – бронзовые бра с лампочками в виде свечей. И дверные ручки, и замочки с миниатюрами – всё бронзовое. Диван и два кресла – белые и тоже с позолотой, обиты зелёным, под цвет штор, велюром.

Стас считал, что его родители живут прилично. И стенка с хрусталём, и гарнитур; машины, правда, нет, но всё остальное прилично. А тут, оказывается, бывает и вот так.

Гипнотизёр отметил замешательство Стаса, самодовольно прошёл по комнате, в дорогом халате поверх брюк и белой рубашке с галстуком, взял со стола указку из чёрного дерева.

– Злоупотребление спиртными напитками сокращает среднюю продолжительность жизни примерно на 20 лет, – с ходу сообщил гипнотизёр. Он поставил Стаса к стенке между дверью и кафельной печкой с газовым отоплением, подошёл к висевшему на стене плакату с изображением человека в разрезе с надписью: «Действие алкоголя» и стал водить указкой.

Стас с трудом воспринимал непривычные на слух слова про сердечно-сосудистые нарушения, атеросклероз сосудов головного мозга, венечных сосудов, миокардиопатию, инфаркт миокарда, не понимал их значения, но догадывался, что его ждёт что-то страшное, если он будет употреблять вино.

В том, что он стоял у стенки, было что-то стыдно-позорное и его коробило от этой атмосферы какого-то средневекового шаманства.

– При систематическом употреблении спиртного ухудшается течение заболеваний почек и мочегонных органов, – добил Стаса гипнотизёр, и вдруг спросил:

- У тебя как с этим делом?
- С каким? – не понял Стас.
- Ну, с девками как? Импотенцией ещё не страдаешь?
- Да нет. Вроде нормально, – смугился Стас.
- А я, признаться, уже не тот, – вздохнул гипнотизёр.
- Да, так вот, – продолжал он, – примерно у каждого третьего, злоупотребляющего алкоголем, возникают алкогольные психозы. В этом состоянии человек опасен для окружающих».

– Валентин Степанович, говорят, что в Америке ещё больше пьяниц, чем у нас, – сказал вдруг Стас.

– Пьяниц везде хватает, – изрёк Валентин Степанович и, как по писанному, забубнил: «Распространённость пьянства и алкоголизма в большинстве экономически развитых капиталистических стран определяется присущей классовой природой, где движущей силой является стремление к обогащению, обеспечению огромных прибылей для предпринимателей любой ценой, даже ценой здоровья трудящихся. У нас устранены социальные корни алкоголизма».

– Устранены, а люди пьют не меньше, чем в Америке, – заметил Стас.

– Так у нас причины другие. С одной стороны, это обычай употребления алкоголя. Этому способствует также подражание, определяемое недостаточными знаниями о вреде действия алкоголя, низкий уровень культуры и интересов, моральная распущенность, неумение организовать свой досуг, отсутствие творческого интереса к труду, разлад в семейной жизни и т.д.

– Будто у них всего этого нет? – возразил Стас.

– Да всё у них есть, – согласился неожиданно врач, – и пьяницы, и наркоманы. И корни одни – расхлябанность и безволие. Это я тебе говорю уже не из научно-популярной брошюры. Только тебе-то от этого не легче.

– Теперь прошу сосредоточиться!

Голос гипнотизёра стал жёстким, серые глаза потемнели, и он начал дятлом долбить плакатные истины, пытаясь вбить их в бедную голову Стаса: сообщил, что алкоголизм стоит в ряду страшных заболеваний, таких как проказа, сифилис, наркомания, и что человек, заболевший алкоголизмом, обязан лечиться. Слово «обязан» он повторил два раза.

В конце своей обличительной лекции гипнотизёр привёл слова писателя Льва Толстого о том, что трудно представить, какая счастливая перемена произошла бы в нашей жизни, если бы люди перестали отравлять себя водкой.

Он замолчал и прошёлся по комнате, будто давая время осмыслить его слова. Стас внимательно следил за ним.

– Одним из методов, применяемых при лечении алкоголизма, является гипноз, – после паузы заговорил гипнотизёр. – Я лечу гипнозом.

Врач остановился перед Стасом.

– Итак, я лечу гипнозом. После сеанса гипноза ты навсегда бросишь пить. Перед тобой откроется новый мир, полный радости и богатства. – пообещал гипнотизёр. – Ты станешь другим человеком.

Голос его получил торжественную окраску, возвысился и приобрёл металлический оттенок.

– Сейчас ты будешь слышать только мой голос. Только мой голос и – ничей больше. Ты подчиняешься только моим командам.

Он говорил отрывисто, глаза пронизывали насквозь и сверлили мозг.

– При счёте «раз» ты уснёшь, твоя воля будет полностью подчиняться моей. «Раз», – ты слышишь только мой голос, «два», – у тебя нет другой воли, кроме моей, твоя воля – это моя воля. Я кладу свою руку на твою голову. «Три!» Спать! Спать! Спать!

Стас не понял, спит он или не спит, вроде спит, хотя и нет.

– Сейчас я докажу тебе, что ты полностью подчинён моей воле. При счёте «раз» ты будешь падать на меня.

Он взял за плечи Стаса.

– Смотри мне в глаза. Я скажу «раз», и неудержимая сила толкнёт тебя на меня. – Внимание! Раз!

Силы, которая бы толкнула Стаса, не было, но он всё же подался вперёд, как ему было приказано, и гипнотизёр его удержал с таким усилием, что со стороны могло показаться, что Стас свалился как подрубленный.

«Когда ты проснёшься, у тебя исчезнет тяга к спиртному, – доносилось до сознания Стаса. – Ты навсегда бросишь пить. Тебе сейчас противно, ты не выносишь запаха водки. Тебя тошнит от этого запаха, твой организм отторгает всё, что связано со спиртным. – Пей! Пей!»

Стас увидел перед своим носом стакан. Его затошнило, и он отвернулся, отстраняя стакан рукой,

– Пей, пей! Фу, какая гадость! Тебе противно! Пей!

Стас выпил, внутренности его судорожно дёрнулись и стали выталкивать водку. Глаза забегали по полу, и он, увидев за собой тазик, упал перед ним на колени. От напряжения у Стаса на глазах выступили слёзы, лицо побавровело.

Спазмы постепенно прекратились, и Стас встал и повернулся лицом к гипнотизёру и стоял, вытирая платочком нос и глаза.

– Сейчас я посчитаю до трёх, и ты проснёшься. Проснёшься другим человеком, как будто заново родившимся.

– Раз! Ты теперь будешь обходить за версту все магазины и точки, где продают водку, пиво, вино.

– Два! Одно упоминание о спиртном будет вызывать у тебя болезненное состояние, тошноту. Отныне ты – трезвенник. Я снимаю с тебя тягу к спиртному.

– Три! Ты уже не тот несчастный человек, который пришел сюда полчаса назад. Теперь ты другой человек, трезвенник, опора семьи, активный строитель коммунизма.

По мнению гипнотизёра, Стас должен был чувствовать себя, по крайней мере, именинником. Но сам Стас этого не ощущал.

Потом он сидел на веранде и ждал мать, с которой гипнотизер разговаривал с «глазу на глаз».

Когда они были уже за воротами, Стас спросил:

– Сколько ж взял?

– Сотню за первый раз, считай, за консультацию, и двести пятьдесят сейчас, за индивидуальное лечение, – неохотно ответила мать и поспешно, словно убеждая себя, добавила:

– Денег мне не жалко, главное, чтоб ты не пил.

Домой после института Стас приходил теперь рано, ужинал – всё молча. Потом садился за учебники, но часто не вникал в смысл того, что читал, и долго сидел в оцепенении, уставившись в одну точку, и только голос сестры или матери возвращал его в реальность. Рисунок по-прежнему доставлял ему удовольствие, и он рисовал много, но без прежнего вдохновения. Он стал немногословен. Его раздражала болтливость сестры, он не выдерживал её трескотни, часто обрывал, и она, поджав губы, уходила в свою комнату.

Стас со щемящей тоской вспоминал приятелей, трёп с ними под выпивку, жаркие дискуссии по любому поводу, которые без бутылки были сухими и вялыми, и как он ни гнал от себя эти воспоминания, они упрямо лезли в голову, и какого-то угрызения совести от бывших шумных застолий и выпивок он не испытывал.

Когда однокурсники звали его попить пива, он, пугаясь вдруг возникающего где-то близко желания и вместе с тем почти осязательного ощущения пива, сглатывал наплывающую слюну и спешил ответить, что ему что-то неохота, вкладывая в слова эти как можно больше равнодушия.

Ночью Стас спал плохо. Ему снились кривляющиеся рожи. Он узнавал приятелей, с которыми пил. Они хохотали и тянулись к нему со стаканами, бутылками. Стас в ужасе отталкивал стакан, понимая, что пить нельзя, но не замечал, как выпивал.

Внутренний голос протестовал и внушал, что ему будет плохо, будет тошнить. Но его почему-то не тошнило и отвращения к водке не было.

Задумайся
ЭТО ЗАВИСИТ ОТ КАЖДОГО ИЗ НАС

**Оставь лес таким,
каким он был до ТЕБЯ!**

(Статья 261 Уголовного Кодекса РФ
Уничтожение или повреждение лесных насаждений)

КОМИТЕТ ПО ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ
АДМИНИСТРАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГА

www.ekburg.ru

Николай ПРОКУДИН,
член Союза российских писателей (Санкт-Петербург)

ОХОТНИКИ ЗА ПИРАТАМИ

Отрывки из приключенческого романа

Хроника антипиратства

«После того как с конца 2008 года борьбу с пиратами в Красном море и Аденском заливе стали вести военные корабли ряда стран мира, в том числе и России, пираты переместили свою активность к непатрулируемому восточному побережью Сомали. Они также стали разбойничать в более отдалённой от берегов Африки части Индийского океана, и нападения на расстоянии до 800 морских миль от берегов Сомали стали обычным явлением.

Всего в течение 2008 года произведено свыше 120 атак на торговые суда, из них 35 захвачены пиратами...

В сомалийских водах был установлен «коридор безопасности», пролегающий через самые опасные воды вдоль восточного побережья Африки, длиной 600 миль и шириной 3—6 миль, патрулируемый военными кораблями. Через зону безопасности сегодня проходят 90% гражданских судов, кроме самых быстроходных, которых пиратам просто не догнать. Однако попытки захвата судов зафиксированы и в этом коридоре.

Власти Евросоюза решили всерьёз заняться безопасностью судоходства у сомалийских берегов. К сотрудничеству приглашены все заинтересованные, в том числе и Россия.

Первая в истории Евросоюза военно-морская операция под названием «Атланта» началась. Один эсминец, пять фрегатов и три разведывательных самолёта должны к 15 декабря прибыть к побережью Сомали. Командующий военно-морской эскадрой британский вице-адмирал Филипп Джон заявил, что все юридические формальности улажены, военные могут применять силу: «Наша задача — восстановить судоходство в этом регионе, прежде всего для судов, зафрахтованных продовольственной программой ООН для доставки гуманитарной помощи в Сомали, остановить насилие и по возможности помочь сомалийскому правительству навести порядок в стране...»

Но ни летом, ни осенью мне по африканским делам никто не позвонил, и я даже пошутил однажды, сидя в кафе с Филоновым, мол, надо неустойку с твоего Алекса взять.

Могу наехать: паспорт сделан в срочном порядке, а работы нет. Попал твой Яркин на пиво!

— Почему мой?

— Твой! Ведь это ты меня с ним познакомил!

— И что из этого следует? Мало ли кого и с кем знакомлю, и мало ли о чём вы болтаете и договариваетесь! У каждого своя голова на плечах, — огрызнулся недовольный адвокат... И угостил очередной порцией замечательного свежего чешского пива.

Сомали, Йемен и далее... Эх, жизнь: суета сует!

Дела семейные, заботы, проблемы, постоянное безденежье. Какая там Африка! Я совсем выбросил из головы эту затею. Но Алекс был неутомим и настойчив и про-

явился на связи через полгода, как раз во время отпуска.

— Ну, что, едем?

— Кто это? Куда?

Как раз накануне я потерял мобильник и вместе с ним все необходимые контакты, поэтому неизвестный номер и мало-знакомый голос сразу не опознал.

— Кто это?

— Это я — Алекс! Костя, поехали со мной в турне?

— Какое турне?

— В Африку! Джибути, Эритрея, Сомали. А оттуда рванём в Йемен...

— Ха! В Йемен! Я бы рад, но я сейчас в пути. В данный момент я в отпуске и нахожусь в Мичуринске...

— И что ты там собрался делать? Груши членом околачивать?

— Почему обязательно груши? Яблоки...

— Ладно, околачивай яблоки, если хочешь. Я предложил реальное дело... Ещё созвонимся...

У меня даже заломило от досады затылок. Стоя в прокуренном тамбуре, я судорожно сжимал вспотевшей ладонью на секунду замолчавший мобильник и злился на себя.

Какая досада — Йемен! А я тащусь на Тамбовщину. Эх, было бы любопытно побывать в этой далёкой арабской стране. Доведётся ли ещё в жизни очутиться в этом месте на пересечении морских путей, на границе между Азией и Африкой! Плюнуть с берега в Баб-эль-Мандебский пролив...

«Баб-эль-Мандеб» в переводе с арабского — «ворота слёз» или «ворота скорби». Это название мгновенно всплыло в памяти, и я невольно улыбнулся — нахлынули воспоминания о далёкой молодости. В школе я довольно-таки хорошо учился, особенно любил такие предметы как география, история, литература, зачитывался приключенческой и авантурной литературой: «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», «Похитители бриллиантов» и подобными романами. Моря и океаны, прерии и саванны, джунгли и буш — всё это были лишь мечты маленького мальчика, живущего в глубокой провинции. Несбыточные надежды и иллюзии фантазёра-путешественника, живущего за железным занавесом. Как я мог попасть в эти дальние страны? Никак! Разве что армия поможет? Помогла... Немного позже, но не с джунглями, а забросила в горно-пустынный Афган...

По окончании школы я предпринял попытку поступить в военное училище, но неудачно, а устроиться в гражданский вуз не удалось — опоздал с подачей документов, и пришлось послужить в армии простым солдатом. За год срочной службы довелось увидеть и пережить много всякого, в том числе и невыносимо тяжёлого, но были и забавные моменты...

Краеугольным камнем существования и цементирования Советской армии стала такая дисциплина, как политические занятия — тупость и скука страшнейшая! Офи-

церами в головы малообразованных солдат вдалбливалась всякая идеологическая чепуха, а также вкрапливались знания из истории и географии уровня шестого класса, видимо, генералы по инерции, с тридцатых годов, считали, что в армии служат лишь чрезвычайно тупые и малограмотные индивидуумы. Но, положив руку на сердце, надо честно признать: командиры были недалеко от истины — уровень образования армии был далёк от среднестатистического по стране.

Молодым командирам рот и взводов эти бредовые и глупые лекции читать было лень, поэтому занятия они частенько перепоручали сержантам.

В неформальные обязанности нашего заместителя командира взвода, сержанта Сипуратова, входила подготовка курсантов учебки к предстоящим экзаменам по политической подготовке, ведь будущий оператор-радиоминёр должен без колебаний взорвать ядерную мину под ногами, колёсами и траками пеших и броневых колонн вторгшегося на территорию нашей Родины коварного противника. Взрывать агрессора на нашей земле! Мощностъ каждого заряда — двадцать килотонн в тротиловом эквиваленте. Подорвать врага, не задумываясь и не колеблясь, вместе с неоповещённым об этом взрыве собственным мирным населением...

Надо же было до такого «каннибализма» додуматься!

Командир взвода, старший лейтенант Николаевский, после ужина спешил домой к семье и сваливал «политику» на подчинённого. Но сержанту Сипуратову было лень по сто раз повторять одно и то же для тупеньких — мозоль на языке натрёшь. Наш сержант оказался довольно начитан и хорошо образован, попал в армию с третьего курса педагогического института — должен стать учителем физкультуры на Сахалине, однако вот военком решил по-своему: пусть сначала Родине послужит этот «хмырёныш»! После сытного обеда Сипуратову обычно очень хотелось спать и поэтому ему, в свою очередь, был необходим грамотный помощник из числа курсантов. В первый же день дополнительных занятий он задал каверзный вопрос взводу:

— Эй вы, шайка дебилов и имбецилов! Есть среди вас разумные индивидуумы? Хоть один хомо сапиенс попал в мой взвод? Кто сможет ответить на несколько простейших вопросов...

— На какую тему? — спросил самый наглый курсант, по фамилии Баженко, успевший поработать внештатным сотрудником в милиции на Дальнем Востоке — мент в душе и по призванию.

— Например, кто знает карту и сможет обвести границы нашей Родины — СССР?

С десяток человек подняли руки.

— Неплохо, — ухмыльнулся Сипуратов. — А кто покажет, где находится Америка?

— Южная или Северная? — уточнил я заданный вопрос.

— Соединённые Штаты Америки!

Вызвалось трое, но двое забыли про Аляску. Я же обвёл указкой, в том числе и территорию самого северного штата.

— Смотри-ка! Молодец! А возможно, ты сумеешь найти и Францию?

— Легко! С заморскими колониями или без? Показывать Реюньон, Кергелен, Французскую Гвиану и Полинезию...

— О! Про остров Кергелен знаешь? Здорово! Молодец, солдат! И если ты ещё укажешь Баб-эль-Мандебский пролив, то я сниму с тебя два наряда на службу.

Я уверенно ткнул указкой в пролив, отделяющий Крас-

ное море от Аденского залива и хитро скосил глаз на сержанта. Сипуратов тем временем радостно потирал руки.

— Молодчина! Удачный экземпляр попал во взвод! Как там тебя по фамилии...

— Курсант Константин Волженин!

— А имя твоё никто и не спрашивал, мурло! Отныне, рядовой Волженин, ты будешь моей левой... нет, даже правой рукой в деле обучения взвода политической грамоте.

То-то старший лейтенант Николаевский будет рад! Ему позарез нужен толковый помощник: конспекты писать, планы составлять, учебные пособия делать и дрессировать по карте прочих неучей. Эх вы, болваны! И чему вас только в школе учили? Баб-эль-Мандебского пролива не знаете!..

...Сколько воды утекло с той поры! Прошло целых тридцать лет, и за эти годы я побывал в разных странах, в том числе и экзотических, повоевал, вышел майором на пенсию, но вот этих самых «Ворот грусти и печали» так и не увидел.

Честно говоря, и по морям толком не ходил, провёл всю службу на берегу, как говорили в старину — в инфантерии...

Йемен! Баб-эль-Мандеб!.. Заманчиво, однако...

— И когда лететь?

— Завтра! Точнее, сегодня после полуночи... Константин, ты готов?

— Алекс, давай в другой раз! Я сейчас еду в поезде и далеко от Питера.

Жаль, но дальние страны остались опять без меня...

Хроника антипиратства

«24 мая 2010 г. на прошедшей в Стамбуле очередной конференции ООН по Сомали участники (55 стран и 12 международных организаций) договорились создать международный антипиратский фонд».

Африканские похождения Яркина, рассказанные им самим без прикрас

Через пару месяцев мы вновь встретились с авантюристом Алексом на той же даче нашего общего друга Филонова. «Полковник» заметно похудел и осунулся, кожа на руках и лице была выдублена и высушена солнцем да горячими ветрами, потемнела и прожарилась от многодневного загара.

Филонов, как обычно, принялся подтрунивать над приятелем:

— Ну, как тебе сомалийские женщины? Опробовал чёрное дерево? Присунул в экзотическое дупло?

— Да пошёл ты... Сам опробывай! — ругнулся Яркин. — Конечно, случается, попадают очень симпатичные экземпляры: следствие итальянской колонизации — пальчики оближешь! Но я не стал рисковать — сифилис и СПИД свободно гуляют по Африке. Неровен час, зацепишь чего неизлечимого. Правда, они все как одна уверяют в своей стерильной чистоте, но видел я их чистоту. У нас в самом зачуханном бомжатнике-притоне гораздо чище. По правде сказать, путешествие было экстремальным — больше я в Сомали ни ногой!

Алекс умолк и закурил, а мы с Филоновым, пригубив кофеечка, вновь пристали с расспросами:

— Не томи, рассказывай...

— Хватит на чело значимости нагонять. Будь проще, тебе это не к лицу!

Яркин ухмыльнулся, выдержал паузу, неторопливо докурив любимую сигариллу, и принялся делиться впечатлениями о Восточной Африке.

(Продолжение следует)

Образовательная сессия RAISE

В Общественной палате РФ открылась первая образовательная сессия Всероссийского акселератора социальных инициатив RAISE на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (модераторы – член Комиссии ОП РФ **Азамат Тлисов**, директор Центра общеакадемических образовательных инициатив Института организационного развития и стратегических инициатив РАНХиГС, кандидат социологических наук, доцент **Инна Газиева**).

Ежегодно в работе Акселератора принимают участие более 50 вузовских команд из 40 регионов страны, которые разрабатывают и реализуют около 100 проектов, и презентуют их на финальных мероприятиях Акселератора. Орловская область также не осталась в стороне. Команда «Крылья РАНХиГС», которая представляет Среднерусский институт управления (филиал «РАНХиГС»), также посетила Москву для участия в трёхдневной сессии. Во время обучающего форума наша команда встретила с заместителем главы Администрации города Орла **Ириной Валерьевной Проваленковой**, которая проходит обучение по программе «Системный подход в управлении регионом» на базе РАНХиГС.

Напомним, RAISE – это образовательная программа с конкурсной составляющей, нацеленная на выявление и развитие социально ориентированных молодых лидеров на основе опыта разработки и реализации реальных студенческих социальных проектов с применением предпринимательского подхода. Коммуникационная площадка программы позволяет авторам проектов быстро и эффективно налаживать диалог с представителями бизнес-структур, органами власти, СО НКО и образовательным сообществом.

Визит в Душанбе

В Институте государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (г. Душанбе) прошла международная научно-практическая конференция «Приоритетные направления государственного управления и государственной службы в современном мире», в ходе которой обсудили проблемы трансформации системы государственного управления и реформирования государственной службы.

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ представляли заместитель директора института, кандидат политических наук, доцент **Алексей Мельников** и кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики **Оксана Малахова**.

Общаться...

чтобы понимать

На кафедре иностранных языков Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС прошла Международная научно-практическая конференция «Язык в сфере профессиональной коммуникации». Конференцию открыла заведующая кафедрой иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент **Наталья Геннадьевна Акатова**. В мероприятии приняли участие филологи, лингвисты, преподаватели, аспиранты из Тулы, Брянска, Саратова, Казани, Сургута, а также Беларуси, Франции и Китая.

Наталья Акатова в своём выступлении: «Перспективы метода «task-based learning» на занятии по иностранному языку в вузе» подчеркнула актуальность проблем функционирования языка и использования новейших авторских коммуникативных методик обучения в рамках информатизации и технологизации образовательного процесса.

Гостями конференции стали **Дон Абе Лукрек Натаниэль** и **Мутума Жером**, которые совместно с кандидатом филологических наук, доцентом **Любовью Викторовной Подагуц** подготовили выступление на французском языке: «Языковая политика Бенина и Кот-д'Ивуара».

Следует отметить, что тематика конференции стала традиционной для кафедры, однако, в статусе международной она проводится впервые. Сотрудники кафедры иностранных языков в течение ряда лет представляют результаты своих исследований. Итогом данной работы стало накопление весомого научного материала в рамках заявленной темы, и стала очевидна необходимость расширения круга специалистов, участвующих в рассмотрении вопросов профессиональной речевой коммуникации. В обсуждении актуальных проблем преподавания иностранных языков на нефилологических специальностях приняли участие учёные ведущих орловских вузов, что позволило развернуть заинтересованную дискуссию по всему спектру проблем, затронутых в ходе заседания конференции.

X Всероссийский молодёжный форум

Студенты факультета «Государственное, муниципальное управление и экономика народного хозяйства» Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) приняли участие в X Всероссийском молодёжном научном форуме, посвящённом 90-летию Брянского государственного инженерно-технологического университета.

Участники обсудили вопросы и проблемы использования технологий электронной экономики для совершенствования внешнеторговых операций, Digital-стратегии как форму цифровой трансформации государственного управления, влияния цифровых технологий на финансовую стабильность и риски экономики.

В состав экспертной комиссии форума присутствовала доцент кафедры менеджмента и государственного управления **Лариса Владимировна Парахина**.

По результатам экспертизы научно-исследовательский проект **Алексея Ершова** и **Анастасии Цукановой**: «Разработка системы управления медицинскими данными пациентов с использованием технологии блокчейн» завоевал диплом 1-й степени (руководитель – **Ирина Александровна Докукина**).

А дипломом в номинации «Практическая значимость» был отмечен научно-исследовательский проект **Надежды Марыченковой** и **Ангелины Перелыгиной** на тему «Цифровые технологии в сфере образования» (руководитель – **Ольга Васильевна Попова**).

Поздравляем участников с заслуженной победой и желаем дальнейших успехов в научно-исследовательской деятельности!

Квест-игра «Знаатоки менеджмента»

В рамках заседания Студенческого научного клуба «Менеджер XXI века» для студентов 1–3 курсов кафедра менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (руководители: доценты **Ирина Авдеева** и **Лариса Парахина**) провела квест-игру «Знаатоки менеджмента», приуроченную к профессиональному празднику «День менеджера». Модераторами мероприятия выступили студенты 4 курса.

Целью мероприятия стало развитие ключевых компетенций: определение пути достижения цели, нахождение выхода из проблемных ситуаций, применение по-

лученной информации для принятия управленческих решений, развитие навыков командообразования и работа на результат.

Формат мероприятия позволил студентам проявить креативность, творческую смекалку, стрессоустойчивость, умение работать в режиме многозадачности.

Выступили на Всероссийской конференции

Основной целью IV Всероссийской научно-практической конференции «Экономический рост как основа устойчивого развития России» было выявление возможностей использования отечественного опыта менеджмента в российской хозяйственной практике и его оценка в разрезе субъектов РФ в области совершенствования управления, направленного на обеспечение экономического роста. А также анализ имеющегося теоретического задела, связанного с обоснованием стратегий, концепций, программ, механизмов экономического роста отраслей, территорий и хозяйствующих субъектов. Конференция прошла в Курском филиале Финансового университета при Правительстве РФ.

Центральным стал дискуссионный круглый стол «Тренды современного развития: управленческие, экономические и социальные аспекты». В панельной дискуссии «Цифровая экономика как драйвер устойчивого развития страны» выступил профессор кафедры менеджмента и государственного управления Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС **Андрей Витальевич Полянин** с докладом: «Анализ влияния современных цифровых технологий на развитие банковского сектора России».

Большое внимание на конференции было уделено высокотехнологичному сектору российской экономики в контексте инновационного развития. **Ирина Александровна Докучкина** – доцент кафедры менеджмента и государственного управления – приняла участие в панельной дискуссии «Технологические и информационные факторы трансформации региональной экономики», рассказав об основных уязвимостях в смарт-контрактах и средствах их анализа.

В завершении дискуссионной площадки круглого стола коллеги сошлись во мнении, что устойчивое развитие должно быть основано на кластерной организации регионального центра, обоснованного управленческого риск-ориентированного подхода для развития инновационно-инвестиционной формы организации институционального управления. А также с учётом технологических и информационных факторов трансформации региональной экономики в цифровую.

ПАМЯТЬ ВРЕМЁН

В рамках проекта Фонда Князя Димитрия Романова «Память времён», посвящённого истории России конца XIX – начала XX веков при поддержке Фонда Президентских грантов на базе Банковского колледжа Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС прошла конференция «Опоры государственной власти: выдающиеся деятели государства, роль дворянства, система сословий, социальная мобильность».

Конференция как бы стала продолжением «большого разговора», целью которого является формирование картины жизни России в относительно благополучный период, который предшествовал трагическим событиям. Разговор о «кадрах империи» не случаен. Судьбы любой страны во все времена во многом зависели и будут зависеть не только от внутренних и внешних обстоятельств и личности первого лица государства, в данном случае монарха, но и от людей, служащих власти на разных её уровня – от тех, кто искренне предан стране, народу, хорошо подготовлен, знает реальную жизнь и, что очень важно, видит перед собой ясную цель и умеет делать дело, в которое верит.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ

В Среднерусском институте управления (филиале РАНХиГС) академик РАН, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и политики факультета финансов и банковского дела (ФФБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Абел Аганбегян** выступил с лекцией «Негативный демографический тренд в России – возможности преодоления или смягчения». В течение нескольких часов студенты и преподаватели с интересом слушали выступление **А. Аганбегяна** и, уже покидая зал, долго обсуждали озвученные проблемы, которые очень остро стоят перед нашим обществом.

*Будьте бдительны:
экстремисты
проявляют
активность*

В Банковском колледже состоялась важная встреча, посвящённая профилактике терроризма и экстремизма в молодёжной среде. Перед студентами выступил **Максим Евгеньевич Садочков**, оперуполномоченный Центра по противодействию экстремизма, майор полиции.

Основной акцент в выступлении был сделан на социальные сети, их наполнение и недопущение распространения в них запрещённых материалов.

Кроме этого особое внимание **М. Садочков** уделил признакам экстремизма, которые пропагандируют исключительность, превосход-

ство либо неполноценность человека на почве социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, отношения к религии. И в наше тревожное время стоит быть особенно бдительным.

ВОТ ЧЕГО БОЙТЕСЬ

Какие болезни самые опасные в наше время...

СПИД

ВИЧ-инфекция – это медленно прогрессирующее вирусное заболевание иммунной системы, приводящее к ослаблению иммунной защиты от опухолей и инфекций. Стадия ВИЧ-инфекции, при которой из-за снижения иммунитета у человека появляются вторичные инфекционные или опухолевые заболевания, называется синдромом приобретенного иммунодефицита (СПИД).

Первые сообщения о ВИЧ-инфекции и СПИДе появились в начале 80-х годов XX века. Сейчас эти названия известны даже ребёнку. Такая всемирная информационная кампания стала следствием того, что болезнь распространяется в геометрической прогрессии, лекарство от неё до сих пор не найдено, и единственный способ сдержать её распространение – научить людей избегать заражения смертельным вирусом.

К настоящему времени известно, что этот вирус родом из Западной Африки, определена его природа и структура, исследованы пути передачи и жизнеспособность вируса, однако пока всё это так и не привело к созданию по-настоящему эффективного лекарства. Статистика распространения ВИЧ-инфекции ужасает – на данный момент в мире уже более 50 млн. человек инфицированы ВИЧ или больны СПИДом.

Отчего это бывает?

- незащищённый (без презерватива) половой акт (70-80%);
- совместное использование шприцев, игл и другого инъекционного инструментария (5-10%);
 - переливание заражённой крови (5-10%);
- передача вируса от ВИЧ-позитивной матери ребёнку во время беременности, родов и при кормлении грудью (5-10%);
- использование нестерильного инструментария для татуировок и пирсинга;
- использование чужих бритвенных принадлежностей, зубных щёток с видимыми остатками крови (крайне редко).

ВИЧ передаётся через кровь, сперму, влагалищные выделения и материнское молоко, при этом не существует опасности заражения через другие биологические материалы (такие как слюна, пот, слёзы, моча и фекалии). Происходит это потому, что для заражения необходима некая минимальная концентрация вируса. Так, необходимое для заражения количество вируса содержится в капле крови, которая умещается на конце швейной иглы, а объём слюны, в котором будет содержаться такое же количество вируса, составит 4 литра.

Онкологические заболевания

Онкологические заболевания – это те или иные злокачественные опухоли, возникающие из клеток эпителия, в органах и тканях организма. Эпителиальные клетки обладают способностью быстрого деления и размножения. Онкологические заболевания развиваются при перерождении обычных клеток в опухолевые.

Среди онкологических заболеваний различают:

- рак
- саркому – злокачественную опухоль, которая чаще всего образуется в костных, мышечных или мозговых тканях.
- злокачественные болезни кровяной системы – лимфомы и лейкозы. При данных заболеваниях перерождаются лейкоциты или – гораздо реже – тромбоциты и эритроциты.

Причины онкологических заболеваний многочисленны и разнообразны.

Основными факторами развития таких болезней, являются:

- курение, активное или пассивное.
- чрезмерное потребление алкоголя.
- загрязнённая среда обитания.
- воздействие на организм токсических веществ.
- гормональные нарушения.
- длительное воздействие ультрафиолета (солнечных лучей).
- травмы кожных образований.

Онкологические заболевания могут развиваться в организме человека десятки лет, протекая бессимптомно. Первые проявления онкологических заболеваний люди часто принимают за симптомы других, гораздо менее опасных болезней, или за выражение общей усталости организма.

Но стоит насторожиться, если без всякой видимой причины появляется:

- постоянная нервозность
- слабость, быстрая утомляемость
- бессонница, нарушения сна
- отсутствие аппетита
- различные болевые ощущения, причины которых вам неясны
- кровь в естественных выделениях организма
- неприятные ощущения в области желудка после еды
- уплотнения под кожей или на коже

При одном или нескольких подобных симптомах, необходимо как можно скорее обратиться к специалисту-онкологу. На самом деле медицина сегодня преуспела в лечении рака. По словам врачей, если заболевание выявлено не на той стадии, когда метастазы уже поразили многие органы и ткани, а раньше, то шансы на успех достаточно велики. Однако речь здесь идёт об успехе в уничтожении болезни, а состояние человека после – это отдельный разговор. Когда у человека диагностирована онкология, лечение обязательно включает в себя хирургическое вмешательство. Крайне редко можно удалить одну лишь опухоль. Чаще всего речь идёт об удалении органа или его части...